М.М. КИРИЛЛОВ

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

И ЕЁ ОКРЕСТНОСТИ

ИСПОВЕДЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга охватывает события 80-летней истории нашей страны – с 30-х годов 20-го века по 2015-ый год. В её основе воспоминания автора, начиная с его детства и до старости. Центром событий в жизни автора, где бы он не находился, иносказательно всегда оставалась Красная площадь Москвы. Здесь политическое сердце автора и страны в целом. Сердце это бьётся несмотря ни на что. Воспоминания автора никого не принуждают к единомыслию, они убеждают. В сущности, это его исповедь. По-советски чувствовать, мыслить и помнить – также естественно, как помнить свою родную мать или единственную любимую женщину. Книга учит преданности своей Родине и самому себе.

Читателем книги может быть любой честный человек, даже если он никогда не бывал на Красной площади.

- Михаил Кириллов
  -
  - Довоенное детство
  - Великая Отечественная война
  - Колонный зал Дома Союзов
  - Пионерская дружина
  - Первый салют
  - Ленинградская блокада
  - Собор Василия Блаженного
  - Лобное место
  - Братик Вовочка
  - Зарядье
  - Об открытии второго фронта
  - Снятие блокады Ленинграда
  - День Победы
  - Третьяковская галерея
  - Сандуны
  - Путевка в Евпаторию
  - Мавзолей Ленина
  - Планетарий
  - Улица Моховая
  - Арбат
  - Дядя Саша – фронтовик
  - Демонстрация
  - Похороны товарища Землячки
  - Военнопленные
  - Прощание с мамой

- Последнее лето
- Измайлово. 3-я Парковая
- Об отце
- Пришло время самооценки
- Исторический музей
- На Прожекторном заводе
- Шереметьевская школа
- Ленинград. Военно-медицинская академия имени С.М Кирова
- Профессиональное и политическое взросление
- Смерть и похороны товарища Сталина
- Украина, село Смильчинцы
- Врач парашютно-десантного полка
- Профессиональное становление
- Клиническая учёба
- Новодевичий монастырь
- Работа в Саратове
- Московский Кремль
- Застой в руководстве КПСС
- Центральный театр Советской Армии
- К власти пришли лавочники
- Полуяпонец
- Музей ленина
- 1993 г. Расстрел Дома Советов
- Семья
- Новые люди
- Деятели культуры
- Грызуны
- Профессиональное перерождение
- Чеченские войны
- Похороны ещё живых
- Действительные и мнимые ценности
- Послесловие
- Литературные труды М.М.Кириллова (1996–2015 гг.)

Михаил Кириллов
Красная площадь и её окрестности (исповедь)

Посвящается советским людям

М.М.Кириллов

Автор – профессор Саратовского Военно-медицинского института и Саратовского государственного медицинского университета, академик, Заслуженный врач Российской Федерации, советский писатель.

Довоенное детство

Я родился в Ленинграде в 1933-м году, но уже через год семья переехала в Москву. Это было связано с тем, что мой отец – выпускник Военной академии связи им. С.М. Буденного, военный инженер – был направлен в Москву в Научно-исследовательскую лабораторию артиллерийского приборостроения. Жили мы сначала в Люберцах, а позже в Лефортово – в заводских бараках на улице Красноказарменной, недалеко от Дангауэровского (Калининского) рынка и шоссе Энтузиастов.

В те годы моим миром был только мой двор. Это время отразилось в моей памяти как в зеркале. Все не только помню, но и вижу. К нам тогда приезжали из Ленинграда дедушка и бабушка, а как-то и я с родителями побывал у них в гостях. В 1935-м году родился брат Саша. Меня отдали в заводской детский сад – он был здесь же, в нашем дворе. В нашем доме жило много военных, командиров, у которых, как и у моего отца, гимнастерку опоясывала кожаная портупея, и на ремне свисала кобура.

В те годы я ещё не бывал на Красной площади и, наверное, ничего о ней не знал. Но о Ленине слышал из рассказов нянечек в детском садике. Они говорили, что он – вождь и что он за рабочих. В наших играх всегда были Ворошилов, Буденный, Чкалов и, конечно Чапаев. Это были герои. В квартире у нас на гвозде висел репродуктор, по которому передавали военные марши и советские песни.

В 1940-м году, в мае, ещё до школы, я побывал в военном детском санатории в Крыму, в Судаке. Там было малолюдно, вода в море была холодной, и плавать детям не разрешали. Но солнца было много. В горах, рядом с санаторием, мы собирали кристаллики хрусталя, чтобы отвезти его домой. На один день туда ко мне приезжал отец. Я помню, как он купался. Сильный и ловкий. Плавал и нырял. А я боялся за него.

Конечно, большая Москва жила своей кипучей жизнью, вокруг высились трубы гигантских заводов, таких как, например, соседний завод «Серп и молот». Время было неспокойным, приближалась война, но мы ничего этого не знали, наше детство тщательно охранялось и нашими родителями, и всей страной.

За 18 дней до начала войны у нас родился ещё один братик – Вовочка. Забот в семье прибавилось.

Великая Отечественная война

22 июня 1941–го года началась Великая Отечественная война. Прозвучали речи Молотова, позже Сталина. Страна сжалась как гигантская пружина. «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» Глядя на родителей, эти грозные слова поняли и мы, сразу повзрослевшие дети.

Отец, как и все сотрудники завода, теперь целыми днями пропадал на работе. Завод стал выпускать, помимо военной оптики, артиллерийские снаряды. В июле немцы захватили Смоленск. Москва перешла на военное положение. Наступали танки Гудериана. Прозвучала по радио песня «Священная война». Мужчины шли на фронт, но, я помню, были и те, кто в панике бежал из Москвы.

В конце июля мы – дети и мама – вместе с десятками семей работников нашего завода в товарных вагонах, именуемых теплушками, были эвакуированы сначала в деревню в Челябинскую область, а к концу 1941–го года – в город Петропавловск – Казахстанский. Сюда же в конце 1941-го года перевели из Москвы и предприятие отца.

Однажды, где-то за Волгой, во время одной из стоянок поезда, везшего нас за Урал из Москвы, прямо перед собой мы увидели пленных немцев. Одни из них стояли на путях, курили, другие сидели в проемах вагонов, свесив ноги в сапогах. Крепкие, в кургузых френчах с погончиками, рыжие и мордастые. По бокам стояли наши бойцы с винтовками наперевес. Это были первые из немцев, которых мы видели. Мы, ребятишки, смотрели на них с обычным интересом, без ненависти. Фашисты? Мы этого еще не почувствовали и даже слова этого ещё не понимали. Ведь никого из наших родных тогда еще не убили. А может быть, мы просто не знали об этом?

Где-то 7 – 10 августа утром наш поезд прибыл на станцию Мишкино. Это был районный центр Челябинской области (теперь Курганской области). Оказалось, что это и есть то место, где начиналась наша жизнь в эвакуации. Нас выгрузили на привокзальном перроне. На станции был кипяток, крестьяне продавали горячую вареную картошку. Старший по поезду что-то согласовывал с местными властями Они распределяли прибывших по местам их последующего жительства, подгоняли телеги, запряженные лошадьми. На телегах была настелена солома. Наш обоз состоял из полутора десятков телег. Наконец, часам к 6 вечера обозы тронулись, каждый по своему маршруту.

Ехали медленно, так как на телегах уместились не все, а

только женщины с маленькими детьми. Какое-то время я шел пешком вместе со взрослыми. Я ведь уже перешёл во второй класс. Потом подсаживался, менялся местами. Ехали долго, наверное, километров тридцать.

Когда въехали в деревню, было уже совсем темно. Остановились на площади. Вокруг нас молча стояли местные женщины, ожидая команды по нашему размещению. В домах кое-где был виден свет от керосиновых ламп.

Руководил нашим расселением председатель сельсовета, одна нога его была деревянной. Говорили, что он был ранен еще в гражданскую войну. Очень быстро всех развезли по избам. Мы были определены в дом, где жила семья из трех взрослых женщин и двух девочек. Нас разместили в светлой горнице с тремя окнами. На большой высокой кровати возвышалась гора подушек. У стены стоял еще и диванчик. А хозяева оставались в комнате, где была большая русская печь. Над ней виднелись просторные полати. В прихожей стояла кадка с водой. Над ней висела кружка. Из нее пили все. В темных сенях на соломе лежали корова и теленок. Туалет был во дворе.

Мы познакомились с хозяевами и, намучившись за день, даже не разобрав свои вещи, легли спать. Так началась наша жизнь на чужбине. Все приехавшие москвичи были устроены в деревенских домах.

Позже, в челябинской деревне по радио мы слышали, что 7 ноября 1941 г. в Москве, по Красной площади, прошли колонны красноармейцев и военная техника. Они шли прямо на фронт. Перед ними выступал и приветствовал их тов. Сталин.

В декабре 1941-го года отец забрал нас в г. Петропавловск. Уже в июне 1942-го года, как только от Москвы отогнали фашистов, предприятие отца возвратили в Москву. Мы его провожали.

С осени 1942-го года в Петропавловске я учился уже в 3-м классе. Уроки естествознания иногда проводили в школьном дворе. Учительница говорила ученикам: «Повернитесь, дети, лицом к солнышку». Повернулись. «Утром солнышко на востоке. Там Сибирь. А за спиной у вас – повернитесь кругом – запад, там Москва, там Ленинград, там Сталин, там война с фашистами. Днем солнышко будет указывать уже на юг, там Каспийское море, Волга и Сталинград». Страна наша была большой, и поэтому мне казалось счастьем, что я живу не где-нибудь, а в Советском Союзе.

Мы вернулись домой, в Лефортово, только в декабре 1942-го года. По дороге в Москву, в г. Челябинске, нашу семью – больную маму и нас, троих мальчишек – разместили в здании вокзала. Пока отец хлопотал о билетах до Москвы, мы лежали на

кафельном полу вокзала, прямо на матрацах, которые нам выдали. Свободных лавок не было, по узкому проходу мимо нас шли и шли люди. Было холодно. Мама болела туберкулезом, харкала кровью, была очень слабенькой. Если бы отец не добился разрешения забрать нас из Петропавловска (а в 1942 г. возвращение из эвакуации было еще запрещено, шла Сталинградская битва), мы бы наверняка погибли. Мне было тогда 8 лет, брату Саше– 6, Вовке – 1.5 года. Помню, что рядом с вокзалом стояли воинские эшелоны. Люди бегали за кипятком. Пахло дымом и углем. Лежа на вокзальном полу на матрацах, мы прятались под одеялом в пальто и шапках.

Более подробно об этом страшном времени я рассказал в книге «Мальчики войны».

Война продолжалась долго. Я застал ещё последние налеты немецкой авиации на Москву в январе 1943-го года. Мы тогда прятались в бомбоубежище, вырытом в нашем дворе. Помогали таскать по улице аэростаты, которые военные ночью поднимали в небо.

Пережили Сталинградскую битву. Мы жадно вслушивались в сообщения с фронта и знали, что фашисты преследовали и уничтожали славян и евреев, считая их неполноценными, сжигали в топках. Об этом говорили по радио, и писал в газетах писатель Илья Эренбург. В некоторые семьи с фронта приходили «похоронки», приходило горе. У себя во дворе мы играли в войну, но никто из нас не хотел быть на стороне фашистов: мы их ненавидели.

Мама еще в Казахстане заболела туберкулезом легких, и ее после возвращения в Москву положили в больницу. Больница располагалась далеко от Лефортово, на улице Новая Божедомка, что возле Центрального театра Красной армии. Мне приходилось ездить через всю Москву на трамвае, а было мне тогда только 10 лет. Взрослел быстро, к тому же на мне во многом оставались младшие братья.

Отец по-прежнему возглавлял производство артиллерийских противотанковых снарядов у себя на заводе. Это продолжалось с июля 1941-го по 1944-ый год. Особенно ценным это было осенью 1941-го года, когда к Москве рвались танки Гудериана.

Москва постепенно переставала быть для меня неизвестной землей. Вскоре я побывал и на Красной площади.

Колонный зал Дома Союзов

В войну и после неё перед Новым годом и в зимние каникулы в Колонном зале Дома Союзов для детей проводился праздник новогодней елки. Отец как-то достал для меня приглашение на ёлку. В гардеробе он меня раздел и отпустил в зал, где стояла большая красивая наряженная елка. Детей было много. Мы кружились в хороводе, знакомились друг с другом, смотрели представления. Дети шалили и несколько стеклянных игрушек с елки упали и разбились. Нам подарили пакеты с новогодними подарками. Сказка кончилась, и отец забрал меня домой. Конфеты разделили с Санькой. Маме все это было очень интересно.

Пионерская дружина

В январе 1943-го года в школе (шоссе Энтуэиастов) был сбор пионерской дружины, Устроили «костер». Подсвеченные красные легкие лоскутки трепетали под ветерком вентилятора. Сбор был посвящен очередной годовщине смерти Ленина. Читали стихи. Потом слушали настоящего фронтового поэта Александра Жарова в форме морского офицера. Он был братом известного киноартиста Михаила Жарова. Вслед за ним выступала Анка-пулеметчица, не артистка, а подлинная пулеметчица. Уже не очень молодая женщина рассказывала нам о Чапаеве, о комиссаре Фурманове. Конечно, это было интересно, ведь фильм о Чапаеве мы уже видели.

Весной 1943-го года нашей победой завершилась Сталинградская битва.

Первый салют

После успешного окончания 3-го класса впервые побывал в пионерлагере. Жили в сельской школе. Рядом было пшеничное поле. Собирали опавшие колоски и ели зёрна.

Летом все ребята нашего двора смотрели первый салют, который по приказу Сталина был проведен в Москве и других городах в честь победы под Курском и Белгородом. Мы залезли на чердак двухэтажного барака, с которого отлично были видны шпили Курского вокзала и, может быть, даже Кремля. Москва тогда была малоэтажной. В темнеющем небе были видны строчки трассирующих пуль из пулеметов и разрывы снарядов. Вот здорово-то было!

Ленинградская блокада

К лету 1943 г. стали прорываться скупые сведения о ленинградцах. Кое-что рассказала сестра Оля (по отцу), вывезенная на Кавказ и позже в Москву из блокадного Ленинграда. Блокада города продолжалась. Было известно о многотысячных жертвах голода. Из официального ответа ЗАГСа из Ленинграда на свой запрос отец узнал, что дедушка, Иван Григорьевич, умер от голода ещё в конце 1941 г., а бабушка в апреле 1942 г. В 1942-м году на Карельском фронте погиб двоюродный брат отца Павел Григорьевич Новоженин.

В Москве мы, конечно, также недоедали, но это было несопоставимо с голодом ленинградцев. Как-то меня позвал к себе Юрка Шацких вместе делать уроки. В обед к ним пришёл его отец, рабочий соседнего завода, и, желая нас накормить, пожарил на подсолнечном масле картошку. Да много, ешь, сколько хочешь! Вот было объеденье, за всю войну такого пиршества не видал! Домашние задания мы с Юркой сделали.

Собор Василия Блаженного

Кто не знает Красной площади?! И в то время о ней слышали все. Здесь стоял Кремль, здесь находился Мавзолей Ленина, здесь работали Иосиф Виссарионович Сталин и правительство. На площадь водили экскурсии. Но были дорожки к этой площади, по которым москвичи ходили просто так.

1944, 1945 и 1946 годы отец работал в Управлении Самоходной Артиллерии (или Бронетанковых войск), расположенном на Красной площади, непосредственно у Собора Василия Блаженного. Какое-то время Управлением руководил известный генерал Рыбалко. Из Лефортово я в те годы частенько приезжал к отцу. Он изыскивал время, и мы вместе знакомились с Красной площадью и её окрестностями.

Напротив входа в Управление возвышалась Спасская башня Кремля. На её шпиле сияла рубиновая звезда, а чуть ниже отбивали время часы-куранты. В то время в Кремль москвичей ещё не пускали.

Собор Василия Блаженного был окружен каменной оградой, низкой со стороны площади и высокой, обращённой к Большому Москворецкому мосту и к Москва – реке. При входе в Собор стояла величественная скульптурная группа, изображавшая Минина и Пожарского – освободителей Москвы от польских завоевателей. Через небольшой дворик располагался вход в сам храм, за которым поднимались вверх, к куполам, узкие витые лестницы, освещенные боковыми просветами. Внутри Собора стояла гулкая тишина. Отец рассказал мне тогда, что архитектор замуровал в стены специальные горшки (амфоры), которые позволяли слышать в отдалении даже тихую речь. Это позволяло слушать переговоры возможных недоброжелателей.

Посещение Собора создавало впечатление тайны и грусти, так, что хотелось поскорее его покинуть. Это контрастировало с его внешним праздничным обликом, несущим теплую радость и восхищение.

Я тогда был в пятом классе, но уже слышал о событиях Великой Смуты, о польском нашествии и Лжедмитрии. Посещение Собора разбудило во мне фантазию, и я задумал написать о времени Лжедмитрия роман.

Я отчетливо видел, как сижу (я – Лжедмитрий) в темном лесу, отдыхая от долгой и опасной дороги на Москву. Донимают жара и жажда. Сквозь тяжёлые еловые ветви вижу опушку леса и возле избы колодец. Вижу, как к колодцу подходит дед, поднимает из глубины ведро, полное холодной и вкусной воды, и

медленно, через край пьет её. Вода с его рук льётся на землю, сверкая на солнце. Дед усаживается рядом с колодцем на бревно и отдыхает.

Я (Лжедмитрий) выхожу из леса, подхожу к деду и прошу: «Дедуся, дай воды напиться!». Жадно пью. На этом фантазия моя и будущий роман закончились. Талант был, но не хватило представлений о том времени. (Наверное, это характерно и для других моих произведений). Но, согласитесь, каков Лжедмитрий! Кто из писателей ещё увидел его таким? Это был мой Лжедмитрий!

Лобное место

Рядом с Собором над брусчаткой площади возвышалось Лобное место. Мрачное место, памятник всем казнённым бунтовщикам времён Смуты. Как ни странно, но сейчас люди здесь спокойно кормили голубей, забыв о кровавом прошлом этого места. Мы, мальчишки, в 1944-м году, когда шли кровавые бои в Белоруссии и за Севастополь, не обманывались кажущимся спокойствием Красной площади.

Летом 1944-го года через всю Москву была проведена многотысячная колонна пленных немцев. Жалкое зрелище. Прошло всего три года после моей первой встречи с ними во время нашей эвакуации из Москвы.

Братик Вовочка

В войну рождалось много песен: «Шаланды полные кефали…», «Соловьи», «Брянская улица по городу идет….», «Тёмная ночь». Это пела душа народа. И мы пели.

Летом в мои обязанности входило забирать братика Вовочку из садика. Я должен был перевести его через шоссе Энтузиастов у Горбатого моста и дальше с километр тащиться домой. Пешком идти он не хотел и через каждые 50 метров просился «на ручки». Ему было 3 годика, а мне 11, но он был уже тяжелым, и нести его на руках было утомительно. Идет за мной и просится. Я обернусь, и мне становится его очень жалко: ревет, слезы с горошину, потненький, одна лямка от штанишек висит, а главное – сопли, одна другой длиннее. Очень жалкий спутник. Растет без мамы. Ладно, думаю, надо помочь. Сопли и слезы вытру, штанишки подниму и тащу его на себе. А дома кашкой накормлю. Хороший мальчик был. Мама наша меня называла «умненьким», Сашку «добреньким», а Вовочку – «красивеньким». Действительно, красивенький, как девочка, губастенький, кареглазый и с черными ресничками.

Мы, дети, были частью того времени, но каждый по-своему. Война взрослила нас.

Зарядье

Как-то мы с отцом проходили по ул. Степана Разина, протянувшейся от Васильевского спуска Кремля. Улица шла до самой площади Ногина. Справа её составляли неказистые массивные здания, как мне казалось, складского или торгового назначения. Тротуары здесь были узкими. На противоположной стороне улицы, обращенной к Москва-реке, чуть ниже уровня тротуаров, стояли невысокие дома – церкви и храмы с колоколенками, а также терема, выкрашенные в белую краску с цветными венцами и карнизами. Словно ряженые из XVII–XVIII-го веков, очень русские. Всё это контрастировало с высоким Собором Василия Блаженного и величественными стенами и башнями Кремля. В нескольких храмах мы с отцом побывали, отметив старину икон и скромность убранства их внутренних покоев. Эти посещения очень обогащали мои школьные представления о том, ещё допетровском, времени. Это было Зарядье.

Улица Степана Разина, спускаясь вниз, вливалась в площадь Ногина и продолжаясь дальше, к Таганке и Замоскворечью.

Бывало и так. Жили мы, как и все тогда, бедно: картофель, макароны и хлеб, изредка мясо. Мама наша уже как два года лежала в больнице. И отец приглашал иногда меня, как старшего из детей, к себе пообедать в столовой. Мы с Красной площади переходили Москворецкий мост и поднимались по лестнице высокого здания в богатый обеденный зал. Там стояли столы, покрытые белоснежными скатертями, а пищу (первое, второе и компот) разносили официанты. Это был не ресторан, но служебная привилегированная столовая. Кормили очень вкусно. Прошло уже 70 лет, а я всё это помню. Спасибо отцу: он меня подкармливал.

Как-то мы шли с отцом в тех местах, у знаменитого Дома на набережной, напротив Кремля. Навстречу бежали девчонки-школьницы. Отец, посмеиваясь, спросил меня: «Какая из них твоя невеста?» «Вот еще! – ответил я. Моя невеста еще не родилась!»

По замоскворецкой набережной прошли на Болотную площадь. Посетили жившего на этой площади нашего дальнего родственника. Он был профессором, создававшим новые виды конфет. Конечно, в гостях у него мы пили чай с конфетами. Профессор и его жена, добрейшие люди, были знакомы с нашими родителями еще до войны. Борис Яковлевич, так его звали, был тот ученый, который, первый в СССР, придумал делать конфеты – «подушечки». Они не требовали обертки и, поэтому, были дешевле. Во время войны это было выгодно.

Болотная площадь ничем не была знаменита, если не считать, что в 70-х годах 18-го века по указу Екатерины П-ой здесь был казнён Емельян Пугачёв. Сейчас же здесь располагается лишь скромный сквер, но, быть может, сохранились гены? Площадь замыкалась Малым Москворецким мостом.

Об открытии второго фронта

Однажды мы с отцом слушали лектора ЦК ВКП (б) Свердлова, брата Я.М.Свердлова, в клубе завода «Серп и молот» Лекция была «О международном положении». Рабочие шли в клуб после работы (а ведь никто не гнал). Народу было – негде сесть, и мы с отцом сидели на галерке, хотя зал был огромным. Лектор – маленького роста, черноволосый, похожий на своего брата. Неформальность информации, большой объем знаний, самостоятельность оценок были тогда редкими. Анализировались положение на фронтах, достижения военной промышленности. Рассматривался вопрос о возможности открытия второго фронта американцами и англичанами. Черчилль уже два года тянул с выполнением своего обещания. Это истощало нашу страну.

Снятие блокады Ленинграда

В январе 1944 г. наши войска сняли блокаду Ленинграда окончательно. Это произошло 27 января, практически в день моего рождения. Мне стало 11 лет – и это было уже немало! В день смерти В.И.Ленина (тогда так было принято, как бы в продолжение ленинского призыва), меня приняли в пионеры. В школе был сбор, на котором вручали красные галстуки, а когда я шел из школы домой, то, несмотря на январский мороз, расстегнул пальто, чтобы все встречные видели, что я – пионер.

День Победы

Приближался конец войны. Пруссия, Берлинская операция. Еще гибли тысячи командиров и красноармейцев. Но все жили ожиданием Победы. И это произошло 9 мая 1945 г. Что творилось тогда на улицах Москвы!

Утром 9 мая я был на Красной площади, в вестибюле здания, где работал мой отец. Я уже знал о Победе. Но знали не все. По ступенькам лестницы в вестибюль, а затем на тротуар сбежал молодой капитан, весь в ремнях и орденах. Оглянулся, схватил в охапку случайно проходившую мимо девушку в крепдешиновом платьице, и стал обнимать и целовать ее, несмотря на отчаянное сопротивление. И кричит: «Победа! Победа!». Видимо, только узнал об этом.

А вечером мы с отцом поехали на салют, но пробиться смогли только до середины Москворецкого моста, спускавшегося к Кремлю. Народ стоял плотно. Я сидел у отца на закорках и хорошо видел, как лучи прожекторов скользят по людскому морю, по кремлевским башням, по мавзолею, как бухают пушки, и в небе рассыпаются разноцветные огни. Люди пели, смеялись, плакали, искали друг друга. Это было сумасшествие радости. Не было, наверное, ни одного человека, который бы не был счастлив.

Побывали мы с отцом поздним вечером в этот день и у мамы, в больнице. В палате она и все ее соседи были рады, что дожили до Победы.

Наша мама, которая к тому времени уже 3 года находилась в туберкулезной больнице, и которую мы навещали, всегда казалась мне каким-то исключением из всех людей, хотя она сама исключительным в своей судьбе считала только то, что стала матерью трех мальчиков. Мне она казалась святой.

Третьяковская галерея

За Москвой-рекой, к востоку от Кремля находилась Третьяковская галерея, основанная еще в 19-м веке.

Как-то мы с отцом посетили её. Видели картины художников-передвижников – Шишкина, Крамского, Репина. Видели огромную картину художника Иванова «Явление Христа народу». Помню, случайно встретил там свою воспитательницу из довоенного заводского детского сада. Прошло всего 5 лет, а казалось, что прошла целая вечность! Война прошла. О своих впечатлениях, позже, я рассказывал маме.

Сандуны

Как-то отец взял меня в Сандуны, старинную баню, расположенную в самом центре города, недалеко от Кремля. Лепнина на потолке, бассейн, мрамор, чистота в раздевалке. Купеческое, еще дореволюционное заведение. Отец с удовольствием потер мне спину мочалкой. Запомнилось купание в бассейне, в который надо было спускаться по мраморным ступенькам. В бараке-то у себя в Лефортово мы мылись в тазу прямо в комнате, подстелив клеенку и поливая воду из чайника. Надо сказать, что в Сандунах я простых рабочих не видел. Богатеньких и избалованных видел. Тогда они бросались в глаза.

Путевка в Евпаторию

Отец достал для меня путевку в детский военный санаторий в Крым, в Евпаторию. Так как я учился на хорошо и отлично, меня отпустили и без экзаменов перевели в шестой класс. Выезд был назначен на 15 мая. Нас было человек тридцать (и девочек, и мальчиков), и ехали мы в плацкартном вагоне. Конечно, нам было весело и интересно, ведь мы должны были проехать всю Россию и Украину, и еще потому, что каждому из нас было по 12 лет. Помню об этом путешествии мало. Носились по вагону и лазили по полкам. Но вот как мы увидели море, когда подъехали к городку под названием Саки, помню очень хорошо. Мы все сгрудились на той стороне вагона, которая была обращена к морю, так, что вагон, наверное, мог перевернуться. Море было синее и веселое. Поезд шел медленно. На насыпи стояли какие-то люди. От радости (и глупости) мы стали бросать им из окон вагона то, что еще не съели. Я выбросил целую банку сгущенного молока. Этот приступ щедрости охватил всех. Нам казалось, что мы едем в такую волшебную страну, где нас, конечно, накормят. Показалась Евпатория. Было видно много разрушенных зданий. От вокзала до санатория нас провели строем, а потом долго не кормили. Вот тут-то мы и пожалели о своей глупой щедрости. Создав отряды и расселив по комнатам, нас, наконец, повели в столовую. Улицы были залиты солнцем, вдоль тротуаров росли акации и кипарисы, с моря дул ветерок. Какое прекрасное место – Евпатория!

Море было близко от санатория, но вода в нем была холодной (май), и купаться нам не разрешали, можно было только бегать по воде и собирать ракушки. На мысу у Евпаторийского залива в песке глубоко завяз остов советского торпедного катера, подбитого еще в годы войны. Нам разрешили полазить по нему.

По улице к морю, мы шли строем и пели: «Артиллеристы! Сталин дал приказ! Артиллеристы, зовёт Отчизна вас!». Жители города гордились нами и смотрели нам вслед.

Мавзолей Ленина

Летом мы с отцом выбрали время и посетили Мавзолей Ленина. Я был здесь впервые. Все было строго и торжественно. Красноармейцы у входа и внутри. Свет выхватывал такое знакомое лицо. Вышли молча. Ленин был с нами.

Мы, внимательно и не торопясь, посмотрели надгробные скульптуры соратников Ленина, похороненных за Мавзолеем, а также захоронения красноармейцев и командиров, погибших при защите Кремля в 1918-м году. В самой кремлевской стене были захоронены урны с прахом известных советских ученых и военных. Среди них был и Валерий Чкалов.

Планетарий

Отец познакомил меня с московским планетарием, расположенным на Садовом кольце. Небо перестало быть плоским, оказалось, что оно заполнено тысячами звезд и, возможно, другими формами жизни. В планетарии было много школьников. Каждый, кто побывал здесь, становился уже немного другим человеком. Несмотря на свою постоянную занятость, отец целенаправленно работал над нашим образованием.

Улица Моховая

В 1946-м году проходили выборы в Верховный Совет страны. Отец работал в составе окружной избирательной комиссии, штаб которой находился в доме-музее М.И.Калинина на ул. Моховой, напротив Библиотеки им. В.И.Ленина. Я ездил к нему туда. Тогда же я впервые посетил Ленинскую библиотеку. Помню высокий зал, столы и зелёные лампы на них. По бокам зала высокие полки с книгами. Царила рабочая тишина. Это была первая публичная библиотека в моей жизни.

Недалеко от библиотеки, на проспекте Калинина располагался Центральный Военторг, богатое многоэтажное здание с широкой лестницей посредине. Здесь отец отоваривал наши продуктовые карточки.

Арбат

По всему Арбату я в те годы ещё не ходил, освоил только ту его часть, где он смыкался с Гоголевским бульваром и проспектом Калинина. Здесь высились ресторан «Прага» и кинотеатр «Художественный». Раза два я посмотрел здесь кино.

На Гоголевском бульваре стоял памятник Н.В.Гоголю. Писатель сидел в кресле, грустно опустив голову. Я видел, как заезжий крестьянин, медленно вслух прочитав подпись к памятнику, воскликнул: «Гоголь? Какой ты гоголь! Вот Пушкин – это гоголь!»

Дядя Саша – фронтовик

В июле, возвращаясь с фронта, из Румынии, к нам заехал дядя Саша, брат отца. В 1941 и 1942-м годах он похоронил своих родителей (наших дедушку и бабушку), умерших от голода в Ленинграде. Его спасло только то, что он, больной пороком сердца и уже опухший от голода, упросил взять его санитаром в медсанбат. Потом он прошел разные фронты, вплоть до Румынии. Стал ефрейтором, был награжден двумя медалями. Он ничего не знал о своей семье, ещё раньше отправленной через Ладогу на Алтай. К нам он приехал с рюкзаком, со скаткой из шинели и с полупустым чемоданом. На нем была гимнастерка, ремень и пилотка.

Он расцеловал нас, уколов рыжей щетиной щек, такой же, как у нашего отца. Узнав, что мама лежит в больнице уже три года с туберкулезом, тут же поехал к ней повидаться. А вечером они посидели за столом с отцом, выпили водочки. Вещей у дяди Саши было мало. Но он подарил нам с братом красивые блокноты. Рассказывал, что, пока ехали с фронта, менялись с демобилизованными солдатами различными предметами, в том числе часами, по принципу «махнем, не глядя». Несмотря на все, что он пережил, был он легким и веселым человеком, единственным из Кирилловых, кто побывал на фронте. На следующий день он уехал в Ленинград, в родной дом на Ржевке.

К нам во двор возвращались и другие демобилизованные. Но не все. Приходило и горе. Вернулись и те, кто воевал в партизанских отрядах.

Демонстрация

В ноябрьские праздники с дворовыми мальчишками на трамваях и метро добирались в центр Москвы. От метро «Площадь Революции» шли до Исторического музея, туда, куда стекались колонны демонстрантов со всех районов города. Там мы встраивались в шеренги трудящихся, стараясь пробиться к той колонне, которая шла поближе к Кремлю.

Гремела музыка, звучали песни. «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская страна», «Москва моя, ты самая любимая» и другие. Люди несли плакаты и флаги, пели, смеялись, стремились побольше увидеть. И никто их сюда не загонял, как некоторые лгут сейчас. На трибуне Мавзолея стояли и приветствовали проходящие колонны трудящихся-москвичей товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, Буденный, Калинин, Берия, Жданов и другие руководители партии большевиков и советского правительства, а также маршалы и генералы, которых мы хорошо знали и до этого. И мы, мальчишки, тянули головы, стараясь увидеть любимых вождей. А пройдя Красную площадь и спустившись вместе с колоннами к Москва-реке, уставшие, но счастливые, уходили по набережной в сторону Таганки, к Заставе Ильича и к шоссе Энтузиастов, домой.

Похороны товарища Землячки

В газете «Правда» было напечатано краткое сообщение о смерти члена ЦК ВКП (б), большевички с дореволюционным стажем, соратницы В.И.Ленина тов. Землячки. Прах её должен был быть захоронен в Кремлевской стене.

К назначенному времени я уже был на Красной площади. Процессия, которая шла от Мавзолея, была малолюдной. Урна с прахом была помещена в стене, и над площадью прозвучали прощальные ружейные выстрелы. Так, незаметно, уже тогда уходили старые большевики, стоявшие у самого начала создания нашей партии.

Военнопленные

В октябре 1945-го года я сел в поезд на Рижском вокзале вместе с группой мальчишек моего возраста. Я должен был поступить в Рижское нахимовское училище. Так решили отец и мама.

По дороге в Ригу я видел разрушения в городах Волоколамск, Ржев, Великие Луки и других. Города эти были буквально сожжены, здания вокзалов стояли в руинах, высились печные трубы сгоревших домов. Поезд шел медленно – с окончания войны прошло всего полгода и пути еще ремонтировались. На обочинах грудилась искореженная военная техника – наша и немецкая, остовы сгоревших вагонов и паровозов. На путях, под вооруженной охраной, работали военнопленные – худые, изможденные, в грязных шинелях и в кирзовых сапогах: возили тачки с песком, таскали мешки с цементом, сгружали с платформ кирпичи. Во время остановок нашего поезда они просили еду. Это все, что осталось от «победителей». Сбылись слова отца, писавшего нам в уральскую деревню в 1941 году из Москвы, что Гитлеру свернут шею.

Местных жителей в этих городах было мало, и они выглядели не лучше.

Нам, мальчишкам, было по 12 лет, но мы чувствовали, что едем через пепелище – прямое свидетельство только что закончившейся войны. В Москве все-таки не было таких разрушений. Мы были детьми войны, кое у кого погибли или болели родные люди, и мы способны были чувствовать чужое горе, в том числе горе пленных. Но ненависти к ним у нас не было, их вид был слишком жалок. Было лишь чувство справедливости постигшего их возмездия.

В училище я не поступил из-за маленького роста. Возвращаться в свой 6-ой класс ни с чем было как-то стыдно. Но в школе никто и не заметил моего отсутствия.

Прощание с мамой

Мама болела. Иногда возникали светлые промежутки в ее состоянии. Тогда ее отпускали домой. Обычно это было летом, когда было тепло. На улицу она не выходила и по дому мало что делала, больше лежала, но было такое счастье быть вместе. Я при ней стал больше читать.

Но, к сожалению, почти все остальное время она находилась в больнице. Когда мы, я и брат Саша, приходили к ней, радовалась вся её палата. Мама оживлялась, присаживалась, принимала наши передачи и подарки и поглаживала нас своими похудевшими пальцами. Волосы у нее были уже седые. А ведь ей было только 38 лет. Ей хотелось бы обнять нас, но она не могла себе этого позволить и только гладила нас по спинкам. Она расспрашивала нас о школе, об учителях и воспитателях, о Вовочке. Его приводили редко – врачи запрещали. А когда мы уходили, мама целовала каждого в затылочек, стараясь не плакать, и махала нам рукой до самой двери. У нее был трудный период – болезнь перешла в стадию чахотки.

Весной 1946-го года отец договорился, что мы проведем лето в деревне в Калужской области. Это оздоровило бы нас.

Я посетил маму, рассказал ей об этих планах. Мне показалось, что она уже знает обо всем и одобряет такое решение. Она знала и то, что в деревню едут и дочери женщины, знакомой отца. Вероятно, отец ее уведомил. Прощаясь, она по обыкновению поцеловала меня в затылок, прижалась ко мне на минутку, и я пошел к двери. У двери оглянулся на нее: она улыбалась и, приподнявшись, махала мне рукой. Уходя от мамы и зная, что она теперь уже точно умрет, рыдая в больничном сквере, у памятника Достоевскому, я поклялся: сколько буду жить, столько буду уничтожать фашизм, убивший ее.

Последнее лето

Отдыхали мы очень хорошо. Трое мальчишек и две девочки – Люба и Люся. Жили дружно, купались в речке, в лесу собирали грибы и землянику, ходили на конный двор и даже ездили верхом на лошадях. Спали в амбаре на сене, а питались в доме.

Деревенские жили плохо. Хлеб пекли из лебеды. Варили щи из крапивы. Мясо было редкостью, но молоко было. Зато лесных ягод и грибов было полно: только не ленись, собирай. Одеты жители деревни были плохо. Мужиков осталось мало: погибли на фронте или еще не вернулись из армии.

Дни бежали незаметно. Однажды пришло письмо от мамы, в котором она советовала нам, всем пятерым, отдохнуть хорошенько, так как, писала она, «нас ждет трудная осень и зима». В августе она умерла. Похоронили её на Ваганьковском кладбище без нас.

А мы, вернувшись в Москву, вскоре переехали из Лефортово на Смоленский бульвар, где жили Люба и Люся, и их мама. Отец женился на этой женщине. Звали её Наталья Васильевна. Она тоже стала Кирилловой.

Как я узнал много позже, она в начале того лета, оказывается, виделась с нашей мамой в больнице по ее приглашению. По словам Натальи Васильевны, она рассказала нашей маме об их отношениях с отцом и поклялась помочь вырастить нас. То есть, на самом деле, оказывается, мама все знала. Она сама захотела познакомиться с той, которая должна была вскоре стать женой отца. Наверное, этому предшествовал её разговор с отцом? Какое мужество! К ней, изможденной чахоткой, поседевшей, умирающей, приходила здоровая молодая женщина, которую полюбил отец. Но мама оставалась мамой. Знание правды о нашем будущем, о будущем ее мальчиков, конечно, добавило ей боли и одиночества, может быть, даже добило ее, но, вместе с тем, и успокоило. Она успела передать нас в другие, как ей показалось, добрые женские руки. Как именно они говорили, теперь уже не узнаешь. Реальную боль испытали тогда, конечно, и отец, и Наталья Васильевна. Все они берегли нашу детскую психику до последнего. Они просто подарили нам то безоблачное лето.

После переезда в новый дом круг нашей жизни расширился. Смоленский бульвар был самым центром Москвы, по отношению к которому Лефортово оставалось окраиной. Недалеко строилось известное теперь высотное здание Министерства иностранных дел. Рядом были Академия Генерального штаба им. Фрунзе, куда

мы ходили в кино, завод «Каучук», знаменитые переулки – Оружейный, Неопалимовские. А еще дальше – Новодевичий монастырь. Мальчишки со двора и я с ними бегали туда играть в футбол. Стены монастыря были обшарпанные, колокола не звонили. Гуляли мы и по Арбату, здесь все показывала Люся. Это были ее родные места. Тогда там располагался кинотеатр «Арс».

Здесь, в домах на Смоленском бульваре, тоже был двор. Мы быстро сдружились с местными ребятами. Рядом же были и школы: мужская и женская.

По Садовому кольцу проводились легкоатлетические эстафеты. С номерами на груди от Крымского моста бежали спортсмены. Мы их поддерживали, стоя на тротуаре. Главным судьей был маршал Семен Михайлович Буденный.

Я пару раз съездил в старый двор, в Лефортово. Все здесь оставалось на месте. Виделся с Димой Ершовым, Валькой Шмелевым, Юрой Рызвановичем, Борей Ховратовичем, Витей Темновым, с сестрами Георгиевыми. Те же лица. Но что-то нарушилось: стало неинтересно. Словно страница книги перевернулась, а новая страница у всех нас была разной. Заканчивалось детство. Начиналась юность.

Новая школа мне понравилась: запомнились уроки по истории средних веков: Карл Великий, Жанна дАрк, дворцовые перевороты, Медичи. Учительница увлеченно обо всем этом рассказывала, и к ее урокам хотелось готовиться. Раньше со мной такого не было. Саша и Люся ходили в третий класс.

Все вместе мы посетили Парк им. Горького и Нескушный сад, о котором мне когда-то рассказывала мама. Это было недалеко. Видели Колесо обозрения. Шли через Крымский мост над Москвой-рекой.

Рядом с нашим домом проходила улица Кропоткинская, там был музей скульптора Мухиной – автора памятника «Рабочий и колхозница».

Жили бедно, ведь все было по карточкам. Тогда бедно жили все москвичи, в том числе жители нашего двора. Хлеба, правда, нам было достаточно, так как у нас были пять детских карточек. А так: картошка и борщ из капусты и свеклы каждый день. Наталья Васильевна требовала от нас: «Ешьте с хлебом, иначе не наедитесь!»

Сразу по приезде, ещё в начале сентября, я и Наталья Васильевна посетили могилу нашей мамы на Ваганьковском кладбище. Земляной холмик, от которого не хотелось уходить. Я узнал, что хоронили маму в августе отец, Наталья Васильевна, тетя Валюша и Люба. Там же мы посетили могилу Люсиного отца, Сергея Александровича Гришкова, расположенную ближе к

церкви. Я узнал от Натальи Васильевны, что он очень любил Люсю.

Зашли мы и в церковь, поставили свечки. В действующей церкви я был впервые в жизни. Это было приобщением к таинству общей скорби, большей, чем скорбь отдельного человека. Это снимало остроту боли. Наталья Васильевна была рядом, и мне становилось не так горько. С ее лаской соединилась печальная музыка храма, мерцание свечей, запах ладана, лики святых. Мне, когда я вырос, всегда было совестно, что многие годы ей, уже старенькой, приходилось молиться тайком от нас, молодых и сильных, перед иконками на кухонной полке. Иконки стоят и сейчас.

Тогда ей только что исполнилось 37 лет. Эта простая женщина, ставшая со временем для нас троих мальчишек новой матерью, так ласково и нежно приняла наше раннее хрупкое мальчишеское горе, что с этого момента и усыновила. Мачехой её мы не считали никогда.

Измайлово. 3-я Парковая

В январе 1947 г. семья переехала на новое место жительства по улице 3-я Парковая, что в Измайлово. Ближайшая станция метро была «Измайловский Парк» (сейчас «Партизанская»). Моё обучение в 7-м классе продолжилось.

В Лефортово я не ездил: не было времени. После Лефортово наши переезды с квартиры на квартиру напоминали мне продолжение эвакуации, начавшейся в 1941-ом году. Мне и в голову не приходило, что так будет всю жизнь.

Питались мы в то время скудно, как и все. Хлеб получали по карточкам. Это поручалось младшей сестре третьекласснице Люсе. Дело было очень ответственным. Однажды какая-то женщина с грудным ребенком, которого она держала на руках, попросила Люсю «отоварить» в этой булочной ее хлебные карточки. (Давали городские, или французские, булочки, что бывало не часто). Женщина сама сделать этого не могла, так как карточки «прикреплялись» по районам. Люся положила ее карточки между своими. Получив булочки и поблагодарив, женщина быстро ушла. А когда Люся сообразила, что чужие карточки остались у нее, и выбежала из булочной вслед ушедшей, та уже стояла на трамвайной остановке и собиралась садиться в подошедший трамвай. Женщина никак не могла понять, что нужно было девочке, протягивавшей ей какие-то бумажки. А когда поняла, вышла из трамвая, страшно побледнела и, зажав в кулаке карточки, молча, в трансе, медленно побрела вдоль трамвайных путей. Потеря карточек в то время означала голод.

Мы, незадолго до этого, сами пережили подобное. Гостившая родственница, используя нашу детскую доверчивость, украла все карточки за оставшиеся полмесяца. Родственницу нашли, но карточки та уже успела продать. Жили в долг, экономя на всем. Подруги мамы приносили ей свои талоны на хлеб.

Пришла весна. 1-го марта по радио и в газетах было опубликовано Постановление ЦК ВКП (б) и Правительства об отмене карточной системы и снижении цен на хлеб и другие продукты. Постановление было подписано И.В.Сталиным.

В Измайлове, недалеко от нашего дома торжественно открыли новый гастроном. Приезжал нарком по внешней и внутренней торговле А.И.Микоян. Я тогда впервые услышал эту фамилию.

Об отце

О роли моего отца в жизни страны я довольно долго не задумывался. Из его кратких рассказов вытекало, что в нём как в зеркале отражалась история развития советской рабочей интеллигенции и коммунистической партии. Его политический путь был таковым.

Рожденный в семье рабочего-токаря Обуховского завода в Петербурге, закончивший в царское время приходско-церковную школу, он с радостью встретил Великую Октябрьскую Социалистическую революцию, в 1918-м году вступил в комсомол, позже закончил Рабфак, Военную электротехническую Академию им. С.М.Буденного, в 1928-м году был принят в члены ВКП (б), в 30-50-х годах работал в Москве в системе Главного артиллерийского управления НКО, в годы войны руководил производством противотанковых снарядов. Закончил военную службу Ученым секретарем Военно-исторического музея артиллерии и инженерных войск в Ленинграде. Инженер-полковник. Был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и другими наградами. Воспитал троих сыновей – коммунистов, всем им дал высшее образование.

Пришло время самооценки

Страна выздоравливала и развивалась. Политическая обстановка в раннее послевоенное время определялась, как я её понимал тогда, не сытостью людей, а их верой в обязательное скорейшее улучшение условий жизни народа и сохранение мира, определялась непререкаемым авторитетом советской власти и Сталина.

Мне было уже 14 лет, 6 лет – сознательной жизни. Я испил много горя, и главное было связано с болезнью и смертью мамы. Это пошатнуло прежние устои семьи. До этого мы как маленькие планеты всегда вращались вокруг нашего солнышка – мамы. И отец тоже. Но солнышко погасло. Мы оказались у теплого очага, конечно, во многом еще чужого, но теплого. Жить можно было.

Я уже чувствовал в себе какой-то стержень. Естественно, самостоятельно, без чьей-то подсказки во мне рождались убеждения и, прежде всего, убеждение, что я – советский человек. Внутренней борьбы не было. Мне по жизни, правда, уже встречались плохие люди, даже антисоветчики, но хороших, честных и любящих свою Родину людей было неизмеримо больше. Как бы я мог в этом окружении быть другим. Нервом моей жизни, может быть, ещё не очень осознанно, была не преданность даже, а принадлежность к своей стране, к Москве, к Красной площади, которую я полюбил в самом детстве, к Сталину. Я был частицей этого. Матери не стало, а Родина осталась. И отец – большевик – тоже. Было с чем выходить в жизнь.

Исторический музей

Съездил на Красную площадь. На фасаде особняка, примыкающего к Музею Ленина, на самом подъеме к площади висел барельеф А.Н.Радищева. На нём значилось, что революционер ещё Екатериной П-ой был заточён здесь перед дорогой в Сибирь. Этому писателю и революционеру принадлежит известное изречение о современной ему царской России: «Чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лаяй». Человек с такими убеждениями в царской России должен был жить только в Сибири.

Со стороны Красной площади находился вход в здание Исторического музея. Я много слышал об этом музее на уроках истории и решил посмотреть его выставки. В памяти остались высокие сводчатые залы, на стеллажах каски, шлемы, кивера и другие предметы военной амуниции. На полу – пушки и пищали, ядра. На стенах портреты российских генералов и адмиралов. Посетителей было немного, экскурсий не было. В штакетниках стояли знамёна российской и советской армий, в т. ч. знамёна частей и соединений – участников Великой Отечественной войны, закончившейся победой.

На Прожекторном заводе

Закончилась учеба в 7-м классе. Это было в 1947-м году. Учился я в Измайлово. Мне дали похвальную грамоту. Но на выпускной вечер я пойти не смог. Причина была та же: в семье не было денег, и я не мог внести взнос. Было очень обидно. Но делать было нечего.

Вскоре отец устроил меня на Прожекторный завод, где у него было много знакомых инженеров. Завод располагался на шоссе Энтузиастов. Направили меня в конструкторское бюро, там, в громадной комнате за кульманами, трудилось до десятка инженеров. Дали мне втулку с заданием сделать ее чертеж в трех проекциях. Я старался, но получалось топорно.

Все здесь было для меня интересно, но особенно жадно я вглядывался в жизнь завода, с удовольствием ходил по цехам, выполняя отдельные курьерские поручения. Чертить же мне не очень нравилось, хотя я видел, какие чертежные шедевры выходили из-под рук взрослых мастеров. Поражала меня их необыкновенная сосредоточенность и терпение в работе над ватманами. В конструкторском бюро всегда стояла тишина.

Относились ко мне хорошо, по-отечески, работать особенно не заставляли. Мне нравилось в обеденный перерыв вместе с ними есть свой небольшой завтрак (кашу из обжаренной муки с хлебом), запивая чаем, который заваривался для всех. Завтрак перед уходом на работу мне давали дома. Кашу почему-то называли «кашей Маро». Правда, очень трудно было дождаться этого перерыва, так хотелось есть, а одному есть было неудобно.

В перерывах между маленькими чертежными заданиями я бегал в заводскую библиотеку, благо она располагалась на этом же этаже, забирался в глубокие кожаные кресла и, забывая обо всем, читал книги Жюля Верна, Фенимора Купера, Майн Рида, Марка Твена. Сотрудники конструкторского бюро снисходительно и ласково посмеивались над моим увлечением, предлагая мне рассказывать о прочитанном, и я с удовольствием делился впечатлениями. Здесь от меня для них было больше пользы, чем от черчения и затачивания карандашей. Отцу, который иногда забегал на завод, они меня хвалили. Я был очень горд тем, что самостоятельно зарабатываю деньги. Так продолжалось целых два месяца – все лето. А братья, Саша и Володя, были в заводском пионерском лагере под Москвой.

Осенью мне пришла повестка с завода о получении заработной платы. Пришлось съездить в заводскую бухгалтерию. Заработанные 50 рублей отдал матери. В своей дальнейшей

жизни я очень обязан этой прививке уважения к труду и принадлежности к рабочему классу. И отцу – тоже.

Шереметьевская школа

В 16-ти – метровой комнате в Измайлово нашей семье из 7 человек было тесно, и нас разделили: отец, я и Саша временно обосновались в поселке Шереметьевском по Савеловской железной дороге, а мама, сестры и маленький Вовка остались в Измайлово. С нового учебного года я и Саша стали учиться уже в Шереметьевской средней школе Краснополянского (позже Долгопрудненского) района Московской области.

Как-то в газете «Правда» я прочел статью о Народно-освободительной армии Китая, в статье приводилась схема освобождения этой страны от войск Гоминдана. Я перерисовал эту схему на плотной бумаге и раскрасил цветными карандашами. На ней стрелками было изображено направление движения народных войск, стремившихся к берегам Японского моря. Отцу рисунок очень понравился, и он отнес его к себе на работу, на политзанятие. Там мое произведение так понравилось, что его оставили у руководителя. Отец попросил меня нарисовать схему еще раз, но я заупрямился, так как это было уже не творчество, а копия так хорошо уже не получилась бы. Мао-цзе-Дун был победоносен, за успехами китайских партизан стоял Советский Союз. Это знали все.

В конце 1947 г., уже в 8 классе, я вступил в комсомол. Райком находился на станции Долгопрудная. В это же время я возглавил пионерскую дружину в нашей школе. У меня на рукаве были три красные полоски, и я по-прежнему носил красный галстук. Что мы делали? Ходили классами в ближний колхоз на Клязьму убирать овощи, помогали старикам, инвалидам и раненым фронтовикам в поселке, сажали деревья возле школы, помогали в библиотеке, ездили в Москву – в театры. И, конечно, проводили пионерские линейки и сборы. Народ был шумный, но дружный. Школа занимала громадное место в нашей детской жизни. Болтания на улицах практически не было. Грустно, что одеты мы были очень бедно и сытыми были не всегда, но разве это было главным.

Я и другие ребята из школы были делегатами 1-го Московского областного съезда пионеров, который проходил в Большом театре. Все места в зале были заняты. Мы сидели где-то в ложах, но видно и слышно было очень хорошо. Руководил съездом старый большевик Подвойский, один из руководителей Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде, работавший с Лениным в Смольном. После съезда был концерт. Но нашей делегации пришлось уйти пораньше, так как до

Шереметьевки нужно было добираться поездом (электричек ещё не было).

В 10-м классе мы отмечали большое событие: 70-летие Иосифа Виссарионовича Сталина – 21 декабря 1949 г. Празднование готовилось исподволь.

Я хорошо помнил: в 1941 г. Москву отстояли, а потом наступали на врага – долго и трудно – до самого Берлина. Все это было неразрывно связано с именем Иосифа Виссарионовича. Сталин был больше каждого из нас, больше Москвы, он был как бы всей страной. Когда началась война, я сразу повзрослел. Дедушка Ленин, знакомый мне с детства, остался со мной, но как бы в прошлом, и вся надежда стала связываться с именем Сталина. Для меня и моих сверстников Сталин все военные и послевоенные годы ассоциировался с общими трудностями и общей победой.

Обстановка приподнятости в связи с предстоящим юбилеем чувствовалась во всем. Михаил Исаковский в эти дни писал: «Мы так Вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе!» В школьном зале висел украшенный цветами большой портрет вождя. Но говорили мы об этом мало, и школьная жизнь продолжалась как обычно.

Нестандартные, критические оценки истории и роли партии, тем более товарища Сталина тогда, конечно, казались откровением.

В декабре 1949 г. я познакомился с родственником моего одноклассника Бори Шеломанова – его дядей Геной. Было известно, хотя в их семье говорили об этом глухо, что у него большое революционное прошлое. В 1918–1920 гг. он был делегатом 7-го, 8-го и 9-го съездов РКП (б) от царицынской армии, видел и слушал выступления виднейших деятелей партии того времени: Ленина, Троцкого, Сталина, Кирова и других.

Дядя Гена внешне был малозаметным человеком, но в разговоре с ним чувствовалась несомненная внутренняя значительность. Как-то мы упросили его рассказать о том далеком времени. Согласился он неохотно. Вот его воспоминания.

«Самыми яркими были выступления Троцкого. Говорил он вдохновенно, грамотно, понятно. На трибуне стоял факелом, зажигая революционностью делегатов. Слушали его внимательно и заинтересованно. Но чувствовалась и некая отстраненность его от солдат и рабочих. Отталкивали интеллигентские манеры, высокомерие и самолюбование. Чувствовался барин». «А Ленин?» – спрашивали мы. «Ленин говорил негромко, с картавинкой, не всегда понятно, длинными речевыми кусками, скрепленными

одной мыслью, но очень страстно, самозабвенно, живя только необходимостью быть полезным. Выступая, он как бы отдавался людям. Был особый секрет в его речи – доверительное единство с аудиторией. Каждый, даже тот, кто его не вполне понимал, точно мог сказать про него: «Свой!»

«Ну, а Сталин?» – спрашивали мы. Нас поражало, что о Сталине (о Сталине!) он говорил особенно неохотно и как о чем-то второстепенном. «Да, был, да, выступал, но редко. Он ведь был нарком по национальным делам, а эти вопросы тогда не были первостепенными. Говорил Сталин тихо, с сильным акцентом, не владея вниманием аудитории. Его плохо слушали: солдаты в зале ходили, курили махорку, переругивались, ели хлеб с салом…».

Эта оценка так не вязалась с нашими представлениями о действительно любимом и гениальном руководителе огромной страны, победившей во главе с ним немецкий фашизм, что казалась неправдоподобной. Тем более в дни его семидесятилетия.

История самого нашего собеседника тоже была нестандартной. По его словам, он ушел из активной партийной работы еще в конце 20-х годов, может быть в связи с ранними репрессиями. Жил скромно, нигде не упоминая о своем довольно ярком политическом дебюте. Изучил в совершенстве немецкий и английский языки. Когда началась Великая Отечественная война, ему было 45 лет. Пошел на фронт, служил переводчиком при штабе одного из фронтов. При форсировании Днепра был ранен, еле выплыл. Партбилет и другие документы были утрачены. Вернувшись в строй, восстанавливаться в партии не стал. После войны поселился в Шереметьевке, у родных. Заделался фотографом, ходил по деревням и снимал мужиков и их семьи. Этим жил.

Мы с Борькой тогда не могли объяснить внутреннюю оппозиционность этого человека: ведь он защищал советскую власть и в гражданскую, и в отечественную войну, а оказался вне собственной партии. Человек он был, несомненно, более значительный, чем форма его существования. Позже я познакомился с одним высказыванием, которое позволяло хоть что-нибудь объяснить. «Если человек идет не в ногу со всеми, быть может, он слышит другого барабанщика?» А тогда мы с Борей поняли: Сталин в 1918–1920 годах еще не был таким, каким мы его знаем теперь. Он рос вместе со своей страной. «Истина конкретна (по Марксу)», сказал дядя Гена. Мы тогда учились докапываться до сути вещей, ничего не упрощать и не усложнять.

В то время я прочел книгу «Два капитана». Замечательная

книга. Заставляла думать и видеть жизнь в перспективе. «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Это было про нас.

Одной из любимых наших песен того времени (она звучит и сейчас) была песня о Родине.

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать.
Как невесту Родину мы любим,
Бережём как ласковую мать.

Ленинград. Военно-медицинская академия имени С.М Кирова

Школу я закончил с серебряной медалью. Подал документы в ВМА им. С.М. Кирова. Стали ждать. Вряд ли я видел себя врачом, скорее журналистом. И завуч школы А.А.Житникова тоже советовала мне идти в МГУ на факультет журналистики. Но перевесила позиция моего отца – военного человека, перспектива перейти на казенное положение (для многодетной семьи это было важно), а главное, прельщала военная форма и престижность этой Академии.

К этому времени отца перевели в г. Евпаторию Зам. Начальника тамошнего НИИ в системе Главного Артиллерийского Управления. Вся семья, кроме меня и сестры Любы, переехала в Крым.

В Академию меня приняли. Но всё это было непросто. Были экзамены. Но и это было еще не все.

Первая в моей жизни мандатная комиссия. Помню комнату с занавешенными окнами в Управлении академии, большой стол, сидящих за ним людей в погонах. Низкая лампа, освещающая нижнюю часть портрета Сталина, как раз – по усы. Черный потолок. Я – на стуле посреди комнаты. Каждому из членов комиссии, наверное, далеко за 50. Они казались мне стариками. Главный – маститый полковник с тяжелым взглядом. Задали вопрос об отце. В 1939 г. он получил строгий выговор за то, что не поддержал обвинение против своего начальника – якобы «врага народа». Это было на военном заводе, в Москве. На заданный вопрос я ответил, что знаю об этом случае, а также о том, что через год выговор был снят. Хорошо, что отец меня об этом проинструктировал. Темнота комнаты, тяжеловесная таинственность и непредсказуемость давили. А за закрытыми окнами все было залито июльским солнцем, весело бежали трамваи. Эта плита могла раздавить, и не было бы доктора Кириллова.

Несколько лет спустя, я встретил этого маститого политработника в Ленинграде. Уже уволенный, он с такой же каменной физиономией в неизменном кителе ходил в соседнюю булочную. Он меня не замечал. Вершитель судеб. Мне кажется, я тогда начал понимать, почему коммунист учитель из Шереметьевской школы Алевтина Алексеевна Житникова не вступала в партию, а большевик дядя Гена не захотел в нее возвращаться. Наверное, все было сложнее. Жизненная позиция

моя стала более глубокой, но не изменилась.

9 июля 1950 г. нам объявили о зачислении в ВМА им. С.М.Кирова и, следовательно, в кадры Советской армии. Конечно, я не знал тогда, что прослужу в Советской армии 42 года. С этого времени я стал обеспечивать себя сам. Московский период моей жизни окончился.

Перед первыми каникулами мне поручили выступить по радио Академии, вместе с профессорами Куприяновым (кафедра факультетской хирургии) и Рождественским (кафедра марксизма–ленинизма). Мне исполнялось 18 лет, и я должен был впервые принять участие в голосовании на выборах в Верховный Совет страны. Агитационные выступления были назначены на 26 января, то есть на день моего рождения. Это происходило в клубе. Хирург Куприянов, тогда уже очень известный профессор, убедительно агитировал радиослушателей за ученого из нашей академии. Марксист Рождественский страстно говорил о токаре с «Металлического завода», а я – о товарище Сталине. До этого меня в Политотделе долго тренировали. Сталина выдвигали везде, а проходил он по какому-то одному из округов. Я думаю, что выступление у меня получилось не хуже, чем у профессоров.

В зимние каникулы съездил в Москву. Побывал я и в Шереметьевской школе. По предложению Людмилы Ивановны Ерошенко, учительницы литературы, я и моя одноклассница Аля Скобелева выступили в ее подшефном 10-м классе с рассказами об учебе в высшей школе и ответили на вопросы учеников. Мы стали их ближайшим будущим. Встретились в учительской и с математиком Алевтиной Алексеевной Житниковой, которая так и работала завучем школы.

Прошло полгода, а жизнь нас, выпускников, уже заметно изменила. Школьное время стало восприниматься критически не только мною. Мы росли, становились более реалистичными, но в душе покрывались, по-прежнему, все тем же школьным «романтическим одеялом».

Переписывался в тот период и встречался я с братьями и сестрами. Они тоже взрослели. Съездил в Евпаторию. Отец в 1948–1952 гг. служил там.

В 1952-м году вся семья переехала в Ленинград. Отец работал теперь Ученым секретарём Исторического артиллерийского музея. Жили мы, начиная с 1953 года, недалеко от площади Стачек.

Профессиональное и политическое взросление

На площадке второго этажа Фундаментальной библиотеки на постаментах стояли памятники ученым Военно-медицинской Академии, работавшим здесь в 19-м веке, в том числе Н.И.Пирогову, П. Загорскому и знаменитому анатому Буйяльскому. Медь памятников от прикосновений рук за сотню лет посветлела. Я постучал по одному из монолитов. К моему удивлению, в нем обнаружилась пустота. В других – то же. Это было открытие. Конечно, так и должно было быть, но казались – то они монолитами. Эта иллюзия возникала от внешней значительности памятников. Я уже знал, что такая же иллюзия иногда возникает при знакомстве с некоторыми людьми. Внушительные на вид, они на проверку оказываются пустышками.

Главным предметом в семестре по-прежнему оставалась анатомия. Практические занятия во все большей мере утрачивали механический характер, основанный только на запоминании. Но подготовка к занятиям требовала много времени.

Начались лекции по фармакологии. Читал их генерал маленького роста, рыженький и оттого похожий на солнышко. Его и звали – «эритроцит». На одной из лекций он вошел в аудиторию и торжественно произнес: «Блажен, кто поутру имеет стул без принужденья, тому и пища по нутру и все доступны наслажденья». Это была лекция о слабительных средствах.

Интересными были лекции и занятия по нормальной физиологии. Кафедра была тесно связана с деятельностью академика И.П.Павлова, умершего еще до войны. В ее аудитории лекции читали сначала проф. Лебединский (прямой ученик Павлова), а позже – проф. М.П. Бресткин. Оба были генералы м/с. Но люди они были совершенно разными: первый был аристократ, обладал изящной речью, второй был суетлив и выглядел, несмотря на генеральскую форму, как прапорщик. Правда, он умело проводил показательные вивисекции под наркозом на аудиторном столе. Всем своим видом он как бы извинялся за то, что носил генеральский мундир. Он не был виноват в смещении проф. Лебединского. Время было такое.

Послевоенное время в отечественной науке было насыщено переменами. Развернулась борьба идей в различных сферах жизни, в том числе в медицине и биологии. В 1948 году прошла сессия ВАСХНИЛ АН СССР, на которой были подвергнуты разгрому виднейшие представители советской генетики

довоенного времени (Н.И.Вавилов) и их последователи. Их обвиняли в бесполезности их деятельности для народного хозяйства, находившегося в трудном положении, в космополитизме, в буржуазном перерождении и т. п. Предавались анафеме даже их книги.

Это коснулось и ВМА. Наветы шли от академика Лысенко и его учеников, поддерживаемых ЦК партии. В результате по идеологическим мотивам были отлучены от активной деятельности видные ученые, в частности начальник кафедры гистологии Н.Г. Хлопин. (Мы знали, что он ходит на работу уже лишенный права педагогической и научной деятельности). Слушатели, инстинктивно понимали, что этот человек страдает, при появлении его почтительно замолкали, как если бы нам было за что-то стыдно. Служители и преподаватели кафедры говорили о нем как о совершенно бескорыстном и преданном делу ученом.

Эта волна обрушилась и на физиологическую школу. Насаждение кортико-висцеральной теории смело существовавшую академическую школу физиологов, в недрах которой шло творческое развитие идей И.П.Павлова. Видные ученые были вынуждены оставить свои лаборатории и кафедры, их не выслушивали, с ними не считались. Среди них были Орбели, Лебединский, Гинецинский и другие.

Нам приказывали в фондах библиотеки вымарывать тушью фамилии неугодных ученых в учебниках и монографиях. Так ученых казнили, хорошо хоть не сжигали их книги. Это мы сейчас так думаем, а тогда мы полагали, что распоряжение Политотдела было правильным.

В ту пору мы, слушатели Академии, многого не понимали в происходящем, как не понимали, почему, например, такое большое значение в прессе и на радио придавалось тогда работе И.В.Сталина «Марксизм и языкознание», книге, несомненно, написанной им самим, но не имевшей большого политического значения. Думаю, что об этом ажиотаже, устроенном идеологическим аппаратом партии, не знал и сам тов. Сталин.

Тогда особенно упорно отстаивалось все отечественное в науке. Возможно, эта борьба с «западничеством» была упрощением и извращением правильного тезиса о значении победы советского народа над фашизмом, его роли в освобождении Европы, о превосходстве социалистической системы, тезиса, который сам по себе ни в каком подтверждении не нуждался.

Ученые страдали, полезные направления в науке отбрасывались на десятки лет. На смену этим ученым приходила посредственность, не лишенная хватки и практической

результативности, но так ничем и не прославившая науку.

Но не все мирились с этим положением. Известный физиолог, уволенный из АМН, Гинецинский вынужден был устроиться в какой-то экспедиции на Белом море и там, экспериментируя на рыбах и медузах, увлеченно исследовал механизмы нарушений водно-солевого обмена. Впоследствии он издал великолепную монографию по этому вопросу.

И всё же мелкие людишки, случайные карьеры были редкостью. Их вытесняла традиция служения делу.

В начале 50-х годов по Ленинграду прокатилась волна преследований среди партийных работников и руководителей учреждений и предприятий: началось так называемое «ленинградское дело», якобы связанное с заговором ленинградского руководства против центрального советского правительства. Именно так было истолковано стремление к большей самостоятельности Ленинграда в структуре государственной власти, хотя это и соответствовало действительному росту значения северной столицы.

Люди тогда не очень понимали смысл происходящего. К тому же многое осуществлялось секретно. Полетели головы, были расстреляны виднейшие коммунисты, руководившие обороной блокадного города, в том числе тов. Кузнецов и Попков. Сотни были посажены или уволены. Это сейчас я все понимаю. А тогда все происходило как будто где-то, и нас практически не касалось.

Ленинград – заводской город. На заводах работали миллионы рабочих. Именно они – рабочие – были главными людьми города. Но и обывателей было много, а лавочники тогда только начали поднимать голову. Брат Володя из окна нашего дома видел, как по ночам по проспекту Стачек едут колонны танков. Это – продукция Кировского завода. Днем их, по-видимому, грузили на платформы на заводских путях. Вокруг нашей Академии были крупнейшие заводы: Кировский, «Светлана», Металлический, Арсенал, Оптико-механический, Балтийский и другие. Мы, слушатели, представляли собой лишь небольшой отряд медицинской интеллигенции, посланный на учебу и оплаченный трудом рабочего класса. Это соотношение нам следовало помнить всю жизнь и помнить, что ещё предстоит рассчитаться за оказанное классовое доверие.

О самом рабочем классе в Ленинграде мы знали, разве что леча больных в клиниках Академии. То есть знали мало. Но отдельные наблюдения были.

На Ржевке (заводской пригород Ленинграда) жил мой дядя Саша-фронтовик, токарь на одном из заводов. Я о нем уже писал. Направляясь к нему в гости и зная, что он любит выпить, я купил

бутылку «Столичной». Он рассказал мне о производстве, о том, что не оплачивают его рационализаторские предложения, хотя они дают экономию. В общем, был недоволен отношением к рабочему классу. Сели ужинать, он наливает водки и себе, и мне. Я ему говорю, что не пью. Он настаивает. Я объяснил ему, что как он должен беречь свои руки, поскольку они его кормят, так и я должен беречь свою голову, мозги, иначе какой же из меня будет врач. «Голова – это мой инструмент», сказал я. Он принял мои доводы уважительно. В шутку говорил: «Хорошо, когда один раз в год гудок и каждый день получка. Это была бы страна Лимония». Токарь самого высокого разряда. Токарь-лекальщик.

В те годы нас окружали бывшие фронтовики. При всех трудностях это делало советскую власть очень прочной.

Смерть и похороны товарища Сталина

3 марта 1953 г. внезапно тяжело заболел и 5 марта умер Иосиф Виссарионович Сталин. Это известие было воспринято всеми, кого я знал, как личное горе. Возникло чувство великой тревоги за будущее государства. Сталин самим фактом своего существования как бы уравновешивал те трудности, которые испытывали люди после войны. Вера в него была необычайной.

Помню, утром 6 марта встретил Юру Устинова, шедшего по Клинической улице, веселого такого, шапка набекрень. Оказалось, что он не знал о случившемся, а, узнав от меня, совершенно переменился в лице.

Этим же утром наша группа была на кафедре военной гигиены. Стояли в коридоре, тихо переговариваясь. В 8.30, как это и положено, мы построились, к нам вышел полковник медицинской службы Глибин – наш преподаватель, фронтовик. Седой, строгий и немногословный. Он тихо сообщил нам о смерти Иосифа Виссарионовича, постоял, отвернулся, отошел в сторону и беззвучно зарыдал. Успокоившись, он вернулся к нам и разрешил разойтись. Такой добровольной, осознанной, безусловной подчиненности какому-либо человеку я никогда больше не испытывал. Все мы не испытывали. А, может быть, других таких людей в нашей жизни не было? С точки зрения создания и защиты рабоче-крестьянского государства И.В.Сталин – фигура поистине великая.

Похороны Сталина в Москве привлекли миллионы людей: москвичей и не только. Отец и мама участвовали в похоронах. Где-то в районе Трубной площади возникла давка. Отцу стало плохо. Если бы он упал, его бы затолкали. Отца с трудом подтащили к краю движущейся толпы, в какую-то подворотню. Там родители пришли в себя и, переждав, отправились на 3-ю Парковую. Жертв в Москве было много.

В течении общественной жизни после смерти вождя сразу что-то изменилось. Было окончательно прекращено «дело врачей». Все они, учёные-медики, сидевшие в тюрьмах, подвергнувшиеся пыткам и издевательствам, оболганные, были выпущены на свободу. С Мавзолея прозвучали речи Молотова, Берии и Маленкова. Эстафета была принята. Но возникли сомнения в единстве преемников. Разное говорили и о смерти Сталина, и о последних часах его жизни.

Но жизнь продолжалась, шла весна. В начале марта в

последний раз после войны было опубликовано Постановление ЦК и Совета Министров, еще подписанное Сталиным, о снижении цен на продовольственные и промышленные товары.

Украина, село Смильчинцы

Летом 1953-го года, сразу после завершения 3-го курса, мы с моим сокурсником по ленинградской Военно-медицинской академии Митей М-ко поехали к нему на родину, на Украину. В самую ее сердцевину – в Черкасскую область, в деревню Смильчинцы Лисянского района. Ехали через Киев (видели Днепр, Софийский Собор, памятник Богдану Хмельницкому), через Белую Церковь и Цветков. Последний отрезок пути мы проехали уже ночью в кузове грузовой машины, стоя, держась за ее борта и рискуя выпасть из неё.

Когда слезли с машины, оказались в кромешной тьме, только звезды светили на небе. Электричества в селе не было. Оттащили с дороги свои чемоданы до первой хаты, постучали. Открыл нам дверь старый дед и когда понял, что приехал Митя, всполошил весь дом. Зажгли керосиновые лампы, на столе появились соленые и свежие огурчики, заскворчала яичница с салом в большой сковороде, притащили из погреба запотевшую самогонку, непрозрачную, сизого цвета, поставили стаканчики и тарелки, нарезали хлеб. За стол сели все, человек 10. Остались спать только малые дети.

Так они рады были, что приехал Митя. Долго не ждали, налили самогонки. Мои протесты и отказы приняты во внимание не были. Решив, что я должен быть с народом, я тоже выпил полстаканчика. Яичница с салом толщиной сантиметров в 5 была очень сытной. Потом еще, потом еще… Мне стало так хорошо на душе, словно это меня встречали. А потом нас положили спать, причем оказалось, что ноги меня не слушаются, и меня отнесли по моей просьбе на телегу с сеном, что стояла во дворе. Проснулся я поздно, солнце стояло в зените и било мне в лицо, было полно мух, голова трещала, хотелось только пить.

Мы добрались с Митей до дома его тетки только часам к трем дня, поскольку ее дом был на другом конце улицы, а в каждой хате Митю ждали: разведка была на высоте. Днем стало видно, что все хаты в селе побелены и все выглядело так, как у Гоголя в его «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Митю ждали. И дело было не только в радушии его земляков и в уважении к нему – ведь он учился в Ленинграде, в Академии, а в том, что в годы оккупации немцы повесили и его отца, и его мать, так как они были коммунисты, а отец еще и председатель сельсовета в этих Смильчинцах. Люди об этом помнили.

Оказалось, что в селе у Мити живет его сестра, десятиклассница. Хорошая девушка с необычным для этих мест

именем Гера. Я уже потом понял, зачем он меня пригласил к себе на родину. Но мы с ней не подружились почему-то. Были и другие знакомства, но и они не захватили меня. Было мне только 20 лет.

Ходили с Митей на бахчу. За чекушку водки сторож-дед готов был отдать полбахчи. Но ведь много не съешь и много не унесешь. Зато, какими вкусными были и арбузы, и дыни!

В газете «Правда» в те дни вышло Постановление ЦК и Совета Министров, подписанное Маленковым, о снятии с колхозов и совхозов всех недоимков, или долгов. Сельское хозяйство было в послевоенном упадке, много ли возьмешь с голого. Постановление было очень своевременным. Я решил, что мне следует, как комсомольцу, донести текст Постановления до колхозников. Отправился на полевой стан, где копнили сено десятка полтора женщин и двое мужиков, и в перерыве прочел им этот документ. Слушали внимательно и одобрительно.

В соседнем доме крыл крышу седой старик. Он хвастался, что в Гражданскую войну воевал в Конной армии под началом Семёна Михайловича Будённого.

По вечерам на площади возле почты под гармошку танцевала молодёжь. Парни шалили. А девчонки визжали: «Видчипись вид мэне. Я – маленька. Я с тридцать першого!» Всем было хорошо.

Перед отъездом на веранде хаты у Митиной тетки состоялся прощальный ужин. Ассортимент угощений был тот же. Зато гостей было полсела. Никого не приглашали, приходили все, кто хотел. Так здесь было принято. Когда уходили, весело было смотреть, как вместо одной круглой луны на небе видно было полторы. Не одна и не две, а полторы. А босые ноги утопали в прохладной пыли сельской дороги.

В конце августа вернулись в Ленинград. На Украине я тогда был впервые. Шел восьмой год после окончания войны. Украина оживала. Поездка оставила тёплую память братства советских людей того времени.

Учёба в Академии успешно продолжалась. С этим было связано много важных событий. Об этом я написал и издал целую книгу, которая так и называется «Моя академия».

Только на последних курсах я понял, что буду терапевтом. Помогли мне в этом выборе замечательные преподаватели С.Б.Гейро и Г.Н.Гужиенко. Выбор-то был на всю жизнь.

Врач парашютно-десантного полка

В 1956-м году я закончил ВМА им. С.М.Кирова и был назначен младшим врачом парашютно-десантного полка в г. Рязань. Пришлось расстаться с полюбившимся Ленинградом, с академическими аудиториями, с гордым крейсером «Авророй». К тому времени я уже был женат (женился на своей сводной сестре Людмиле), и у нас родилась дочка Маша.

Служба в полку пошла нормально. Командиры, врачи и солдаты медпункта быстро стали моими друзьями. С парашютом прыгал, как все. Полк был под две тысячи человек, врачебный опыт накапливался быстро.

В Москву ездил и был в курсе всех московских дел. Хрущёв, расстреляв Берия, со временем устранил всех других соратников Сталина, а позже и память о самом Сталине.

Осень 1956-го года выдалась напряженной из-за событий сначала в Польше (Владислав Гомулка), а позже в Венгрии (Имре Надь). Туда были введены наши войска. Псковская дивизия ВДВ была десантирована на Будапешт. Подняли по тревоге и наш полк. Уложили парашюты, в том числе и мне, хотя до этого я еще не прыгал. Позже воздушный вариант десантирования отменили. Загрузились на платформы на станции Рязань-2, две недели сидели в части и ждали. Приезжал легендарный генерал Маргелов. События в Венгрии разрешились, причем немалой кровью, и нашему полку был дан отбой.

Чуть позже, где-то в ноябре, в полку прошло открытое партийное собрание по поводу решений 20-го съезда КПСС. Зачитали письмо ЦК об осуждении культа личности И.В.Сталина по докладу Хрущева.

Нужно сказать, что пересмотр представлений о роли Сталина в истории нашей страны оказался болезненным для всех. Партсобрание напоминало растревоженный улей. Болела душа за факты уничтожения Сталиным своих соратников по революции и социалистическому строительству, хотя бы и в интересах сохранения единства руководства страной. Репрессии были оправданы, но были чрезмерны. А как же его заслуги в организации победы над фашистской Германией?! Почему подход к оценке Сталина был таким односторонним, поспешным и закрытым. У меня тогда сложилось мнение, что вскрытие «абсцесса» было необходимо, но что кому-то нужно было размазать гной по всей советской истории, а это было чревато еще большими последствиями. Говорили о культе личности, но какова была личность!

Вслед за разоблачительной компанией тело Сталина было извлечено из Мавзолея и захоронено рядом. До этого я еще успел увидеть тела Ленина и Сталина, лежавшие вместе в Мавзолее. Сталинград был переименован в Волгоград, также как и все другие города и предприятия, носившие его имя. Был снят бюст вождя и с памятника в сквере в Рязани. Говорили, что сохранился памятник ему только в г. Гори на его родине. Не оставляла мысль об излишней жестокости принятых решений как если бы к правде примешалась чья-то месть.

Запомнилось и ещё одно событие того времени.

1959-ый год. В то время в Рязани, будто бы, действовала нелегальная молодежная коммунистическая организация, по-видимому, студенческая по своему составу. Но говорили об этом глухо.

Как-то плыл я на теплоходе по реке Оке от Рязани до Белоомута, возвращаясь из отпуска на артиллерийские стрельбы. Я был в военной форме. Сидел на палубе, уставленной мешками и чемоданами. Людей было много. В основном, колхозники. Вскоре обратил внимание на парня, сидевшего на лавке напротив меня. Не заметить его было нельзя. Он периодически возбуждался и начинал бессвязно кричать. При этом он зло, на разные лады, повторял проклятья, типа «Свинья! Будь ты проклята! Свиная рожа! Будь ты проклята, кукурузная свинья!» Он ни к кому конкретно не обращался, но слышен был всем, и река далеко разносила его проклятья. Можно было принять его за юродивого. Отдохнув немного, он повторял свой «репертуар». И так в течение часов двух. В такие минуты он производил впечатление сумасшедшего, на которого «находило», а, может быть, и впрямь был ненормальным. Он уже изрядно надоел утомленным спутникам, среди которых преобладали крестьяне, и на него уже перестали обращать внимание, вздрагивая лишь всякий раз, когда он начинал орать.

Как врачу мне было любопытно наблюдать за ним, и во мне зародилось сомнение. Он был не один, и этот второй вел себя невозмутимо, временами отлучаясь и бродя по палубе. Заметил я, что между припадками крика и проклятий «юродивый» становился вполне нормальным. Все это не напоминало мне ничего из психиатрии. А вот образ Никиты Сергеевича вполне.

Я даже прошелся по палубе мимо него, чтобы лучше его разглядеть. Да, конечно, умный, ироничный и временами наглый взгляд его не оставлял сомнений в инсценировке. Но в таком случае это была тяжелая работа.

Это было время после 20-го съезда партии и разоблачения культа личности Сталина, время формирования совнархозов,

время липовых рапортов о сдаче 2-3-х планов по мясу, в том числе на Рязанщине, приведших после разоблачения к самоубийству первого секретаря Рязанского обкома Ларионова. Смутное было время, время волюнтаризма. И оппозиция этому, безусловно, была.

На какой-то остановке теплохода у шлюзов, уже к вечеру, «пропагандист» и его спутник сошли на берег.

Позже, осенью, я увидел этого парня в городском парке Рязани, сидевшего на скамье и беседовавшего с кем-то. Он был в костюме и галстуке. Никаких странностей в его поведении я не заметил. Больше я его не видел. Эта встреча подтверждала мои корабельные наблюдения. Я думаю, что невольно прикоснулся к тайной организации.

В 1959-ом году наш рязанский полк участвовал на параде в честь очередной годовщины Победы в Великой Отечественной войне в Москве. Тогда я впервые вместе с парашютистами-десантниками проехал по Красной площади мимо мавзолея Ленина на боевой машине.

В 1962-м году прошёл слух о расстреле восставших рабочих в Новочеркасске. Люди в одном из самых богатых регионов страны голодали. Хрущёв приказал восстание подавить. Это стало известно значительно позже. Руководители страны опорочили доверенную им советскую власть, власть трудящихся. Так случается, когда коммунисты начинают жить над людьми, а не вместе с ними.

В 1966–1967 гг., когда я служил уже в Саратове, прошел слух о раскрытии в Рязани якобы заговора так называемых «молодых коммунистов». Имело ли это какое-нибудь отношение к моим случайным наблюдениям, я не знаю. К тому времени Хрущева сменил Брежнев.

Профессиональное становление

Будни врачебной работы в десантном полку давали мне основания для размышлений. Я уже тогда понял, что врачебная культура предполагает как ее внешние проявления, так и внутренние – содержательного свойства. Эти требования рождены были тысячелетним опытом врачебного сословия. Они впитали воззрения Гиппократа, нравственную позицию Чехова и Вересаева, опыт советских врачей. Наиболее существенны и трудны в воспитании требования к внутренней культуре врача.

Эрудиция, умение работать с книгой, умение говорить и особенно слушать людей, умение убедить их, знание и понимание искусства – вот некоторые из признаков внутренней культуры врача.

Врачи – по социальному определению – интеллигенция. Некоторые делят ее на «низшую» и «высшую». На самом деле, речь может идти о врачах (и не только) еще или уже не интеллигентах и о небольшой прослойке подлинных интеллигентов. К первым может быть отнесено студенчество, к уже не интеллигентам относятся врачи, так и не поднявшиеся к высотам своей профессии.

Одной из составляющих культуры врача является культура политическая. Врач, как никто, близок к народу, обладая специфическими возможностями влияния на людей и оценки уровня их жизни. Он постоянно сталкивается с проявлениями социальной несправедливости, с положением бедноты, с имущественным цензом на лекарства и диагностические исследования, на условия размещения в стационарах и т. д. Все это проблемы не только медицинские, но и социальные, а значит, политические. Врач обязан иметь «социальные» глаза, иначе он слеп. Так думал я тогда, так думаю и сейчас.

И нынешняя (российская) армия по своей классовой сущности по-прежнему – рабоче-крестьянская. Парадокс состоит в том, что ее основное предназначение теперь – защита награбленного отечественной буржуазией. Если этого не понимать, трудно лечить рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели.

Служба в полку дала мне много. Я сблизился с народом, соразмерил себя с другими людьми, вдоволь «поел солдатской каши», воспитал себя и как врач, и как человек. В 1958 г. вступил в партию, в которой с 1928 года состоял мой отец, сын рабочего – участника Обуховской обороны. Династия продолжилась. Я познал силу коллективного товарищества и прислонился к

армейскому мужеству, подготовил себя к дальнейшему профессиональному росту. Родина дала мне много, наступило время отдавать.

7 лет службы в парашютно-десантном полку, участие в серьезных войсковых учениях, позволили мне убедиться в реальном могуществе Советской армии того времени, впитавшей фронтовой опыт, накормленной, хорошо оснащенной и дисциплинированной, подчиненной основной задаче – защите нашей Родины. Известное тогдашнее заявление Хрущева о том, что мы им покажем «кузькину мать», голословным не было.

Летом 1961-го года произошло событие планетарного значения: в космос взлетел Юрий Гагарин. Я праздновал эту победу вместе с ленинградцами, стоя на Кировском мосту. А позже Гагарин проехал в открытой машине по улице Горького и по Красной площади, окруженный сотнями тысяч москвичей.

Клиническая учёба

Летом 1962-го года я был зачислен в клиническую ординатуру при кафедре госпитальной терапии ВМА им. С.М.Кирова. Пришлось уехать из Рязани, покинув полк. Перед самым отъездом у нас родился сын – Сергей.

3 года врачебной учебы под руководством замечательных учителей – Н.С.Молчанова, Е.В.Гембицкого, В.Г.Шора, В.В.Бутурлина и других сотрудников кафедры – сделали из меня доктора на всю последующую жизнь. Позже я написал книги о том времени: «Учитель и его время» и «Мои больные (сборник рассказов».

Я многое получил от моих клинических учителей. Все они были фронтовиками. Пришло время отдавать. В 1966-м году, после краткого назначения в Ленинградский Окружной госпиталь на Суворовском проспекте, я приступил к работе преподавателем кафедры военно-полевой терапии Военно-медицинского факультета в Саратове.

Новодевичий монастырь

Я помню этот монастырь с послевоенного детства. Ранее я уже писал об этом. А тут как-то, уже в восьмидесятые годы, съездили туда с женой и посетили и монастырь, и кладбище. Оказалось, что в монастыре сохраняется память о царевне Софье. На кладбище видели могилы писателя и артиста Шукшина, артиста Алейникова, футболиста Федотова, генсека Хрущёва (памятник скульптора Эрнста Неизвестного). Памятник Хрущёву оставлял впечатление двоякое и не только потому, что был сделан из черного и белого мрамора – буквально пополам, а потому что и в жизни этот деятель был очень противоречив. Изгнания Сталина из партийной и народной памяти ему простить нельзя, также как незаконной передачи Крыма Украине в 1954 г. Маленький человек на капитанском мостике громадного корабля. Многих из тех, кто его сменял на руководящем посту позже, нельзя было и близко подпускать к этому капитанскому мостику. Размер личности, по сравнению с И.В. Сталиным, был не тот.

В ходе другой поездки в Москву удалось посетить кафе «Седьмое небо» на верхнем этаже гостиницы «Москва». Было нас четверо: Люся, я, Боря Рабинович и Боря Шеломанов – мои, ещё школьные, друзья. Под нами простирались Манежная площадь и Кремль. Видна была и Красная площадь. Лепота! Радость испортило брезгливое отношение официантки к нашему по-студенчески нищему заказу – по стакану чаю и пачке печенья. «Нечего было подниматься на седьмой этаж!», сказала эта небожительница.

Как-то в жаркий день проплыли на теплоходе по Москва-реке: от гостиницы «Россия», мимо Кремля и до Киевского вокзала.

Работа в Саратове

Поработав год в Ленинградском Окружном военном госпитале ординатором-терапевтом, в 1966-м году я, как уже писал ранее, был назначен преподавателем кафедры военно-полевой терапии Саратовского Военно-медицинского факультета.

Я отработал здесь 44 года – с 1966-го по 2010 год, в т. ч. 30 лет начальником (заведующим) и профессором кафедр военно-полевой и госпитальной терапии, кафедры интернатуры и кафедры усовершенствования врачей. Два года был проректором медицинского Университета. Руководил одной из наиболее крупных терапевтических клиник Саратова. Был участником многих съездов и конгрессов СССР и России по терапии и пульмонологии, автором нескольких десятков монографий и сотен научных публикаций, членом ВАКа СССР и РФ, руководителем и консультантом по защищённым 6-ти докторским и 33-м кандидатским диссертациям.

В 1987-м году работал профессором-консультантом Кабульского госпиталя советских войск в Афганистане, а в 1988-1989-м годах профессором-консультантом Ереванского военного госпиталя (в период оказания помощи пострадавшим при землетрясении в Армении). Полученные наблюдения существенно помогли мне в преподавании военно-полевой терапии и в научных исследованиях. Позже я об этом написал книги: «Кабульский дневник военного врача» и «Армянская трагедия».

В те годы на базе 8-й городской больницы Саратова была создана известная всей стране саратовская пульмонологическая школа. В 2010-м году усилиями нынешних медицинских властей города эта школа была ликвидирована.

В 90-е годы страна очень изменилась, тогда же во многом изменились и функции Красной площади.

Московский Кремль

В 70-е годы для посещения был открыт московский Кремль. Мы с женой посетили его, в частности Большой Кремлёвский дворец, Соборы Кремля, видели Царь-пушку, Тайницкий сад на склоне к Москва-реке. В тот день было тепло и солнечно. Впечатляли высота и мощь древних храмов.

Тогда же удалось побывать в квартире Ленина. Из неё можно было пройти в Зал заседания ленинского Правительства народных депутатов (Совнаркома). Поражала скромность убранства и теснота квартиры. Изразцовые печи. Шкафы с книгами. Жили Ульяновы очень скромно. Запомнилась висевшая на стене кабинета Владимира Ильича географическая карта Закавказья. Кроме указания городов, над соответствующими областями значились названия этносов: мингрелы, аджарцы, абхазы, турки-месхетинцы, армяне, осетины и др. Вероятно, это было актуально и для того времени.

Современная буржуазия клевещет на Ленина, требует вынести его тело из Мавзолея. Старается стереть из памяти народа имя Сталина. Красную площадь периодически превращают в место для развлечений. В дни исторических празднеств – 1 Мая, 9 Мая и 7-го ноября – фанерным забором закрывают Мавзолей Ленина, рассчитывают скрыть от народа даже память о советской власти, забывая, что это память миллионов людей.

Как-то после возвращения из Грузии в Москву мы вечером поехали на Красную площадь. На склоне её, как на краю Земли, возвышался Храм Василия Блаженного. Высокие стены Кремля. Брусчатка. За Мавзолеем, несмотря на сумерки, был хорошо заметен светлый бюст Сталина. В памяти всплыли испытанные ещё в детстве трепет, волнение и радость от подчиненности чему-то простому и ясному, общему для всех. Как далеки мы сейчас от этого времени и чувства. Подумалось: к Сталину следует относиться «по заслугам», но к его памяти нельзя относиться несерьёзно. Ему принадлежат вещие слова: «На мою могилу нанесут много мусора, но ветер истории развеет его».

Застой в руководстве КПСС

80-е годы. Страна активно работает. Армия и Флот сохраняют свою мощь. Космические корабли бороздят высокие орбиты. И хотя теневой бизнес становится уже заметным препятствием на пути советской экономики и сохранения социального единства общества, социалистические факторы сохраняют ещё своё определяющее значение. Но руководящий слой партии во всё большей степени обособляется от народа, живет своей старческой жизнью, инерцией трудовой поступи страны. Этому способствует необходимая, но неоправданно кровавая война в Афганистане, ослабляющая государство. Довершает картину Чернобыльская катастрофа с выявившейся беспомощностью власти. Ощущается нарастающий застой во всех сферах общественной жизни. Становится как-то душно. Происходит односторонний вывод советской армии из Европы – результат предательства нашего высшего руководства. Всё это порождает гнетущую обстановку непредсказуемости и ожидания социальной катастрофы.

Несмотря на положительное решение Референдума в 1991-м году о сохранении Союза СССР начался распад страны.

Становилось очевидным, что руководство партии переродилось и нависла угроза утраты советской власти.

В июле 1991 года записываю в своём дневнике: «Горбачёв – главный предатель партии и государства, Ельцин – главный мясник СССР (рубщик мяса)».

Центральный театр Советской Армии

Отдыхая как-то в санатории «Архангельское» (80-е годы), приобрели билеты в ЦТ Советской Армии (в прошлом, Красной Армии). Театр расположен рядом с Областным противотуберкулёзным институтом, в котором в сороковые годы долго болела и умерла наша родная мама. В начале воспоминаний я уже писал о том времени.

В театре мы с женой посмотрели спектакль «Учитель танцев» с Зельдиным в главной роли. Артист великолепный.

До спектакля побывали в больнице. Посидели на скамейке в больничном сквере у памятника Достоевскому (наверное, единственному в Москве). С разрешения вахтера я поднялся по лестнице на второй этаж корпуса и прошел вдоль палат. Сколько раз я ходил сюда мальчишкой в годы войны! Здесь было наше солнышко. Дверь в последнюю палату, где когда-то лежала мама, открыть не решился, стало тяжело на сердце, да и зачем было тревожить больных. В коридоре и на лестнице так же, как 40 лет назад, пахло особым сладковатым запахом, похожим на запах мёда, запахом мокроты, отхаркиваемой чахоточными. Люся ждала меня внизу, у колонн института. Поблагодарили вахтёршу и ушли. Встречи с прошлым опасны.

К власти пришли лавочники

В 1991–м году пришлось пережить трагедию смерти советского государства и коммунистической партии. К власти пришли воры и лавочники (олигархический капитал). С тех пор, вот уже почти 25 лет в рыночных муках корчится и вымирает народ.

В августе 1991-го года пережили контрреволюционный шабаш: «защиту» Белого дома, похороны «героев», попавших под танк, аресты членов ГКЧП, позорное возвращение из Фороса Горбачева, запрещение компартии, воцарение на троне «главного мясника России». Жизнь пошатнулась. В начале сентября Москва напоминала встревоженный муравейник. Дорожали продукты, пустели прилавки. Помню, купил пару банок морской капусты, поскольку ничего другого уже не было. Раньше никогда не ел ее, оказалось довольно вкусно. Не стало и молока (это в сентябре-то).

В середине сентября 1991-го года у нас на факультете прошло последнее партийное собрание. В зале сидело человек сорок. Было объявлено о запрещении в Вооруженных Силах КПСС и о сдаче партийных документов. Все молчали. Я попросил слова и сказал, что считаю запрещение партии произволом Ельцина, и что отныне я сам себе ЦК партии. Хирург профессор Н.М.Кузнецов тихо ответил мне в полной тишине: «Подпольщик!» Думали-то все одинаково, так мне казалось. Посидели ещё. Партийные деньги решили передать подшефному детскому дому. И разошлись в непартийное никуда.

Заговор предателей в Беловежской Пуще в конце 1991 года официально завершил ликвидацию Союза Советских Социалистических Республик.

1 мая 1993 г. в Москве режим Ельцина показал свои волчьи зубы. Как и все, я был потрясен зрелищем блокады Октябрьской площади и разгона демонстрации москвичей. Власть создала объективные условия неотвратимости побоища. Имению она, предложившая людям встать на колени, – первый и главный преступник. Советские люди в очередях настоялись, но не на коленях же. Расчет был точным. Он был нужен тем, кому снится самодержавие. Теперь будут строить тюрьмы, чтобы упрятать подальше протест «уголовников» и позволить, наконец, свободно грабить свою страну.

Лавочники, казаки, жандармы и… интеллигенция, ударившаяся в бизнес, – опора режима. После Первомая 1993 г. он будет существовать в глазах честных людей только как режим.

Режимной становится и армия, откармливаемая за счет народа. Армия, в которую и за деньги никого загнать нельзя, разве что безработных.

Процесс перерождения бывших якобы коммунистов, позже якобы демократов в палачей исторически неизбежен. Это обычная эволюция представителей мелкобуржуазной среды. Но и протест неизбежен. Глумление над людьми труда восстановит в них память о средствах борьбы пролетариата за свое освобождение.

Только подавлением людей (а на что-то большее он не способен) режиму не решить своих проблем. Сознание собственной слабости станет во все большей степени будить в нем инстинкт самосохранения и укреплять жандармскую оболочку. Блокада демонстрации в мае 1993-го года была проявлением слабости «всенародно» избранной власти».

Эта мерзость вскоре сменилась целой серией мерзости. Ельцин своим Указом, нарушив Конституцию, которой присягал, распустил Верховный Совет России. Это случилось в сентябре 1993 г. и закончилось расстрелом безоружных людей у стен Останкино и расстрелом парламента из танковых орудий. Это видели и в Москве, и в Саратове. Это видел весь мир.

Неизвестно, что тяжелее было – кричать от боли или молчать…

Простые люди страдали. Страдали по-разному. Однажды мне позвонил домой врач-терапевт урологической клинки нашей больницы Иосиф Ефимович Медведь. Мы работали с ним рядом лет 15. Он почти ничего не видел. От остановки трамвая до клиники его всегда водили под руку шедшие на работу врачи-сослуживцы. Жена его тоже была инвалидом. Как он работал, объяснить было невозможно: ведь даже в больничном коридоре он шёл по стеночке. Великолепный вдумчивый и внимательный врач, он располагал к себе больных. Он умел слушать людей, и это помогало ему правильно ставить диагнозы. Он видел то, чего не видели зрячие специалисты. Они вечно спешили, а он никогда не спешил уйти от больного. Его уважали и как-то по-своему берегли даже грубоватые на слово урологи.

Он позвонил мне, чтобы сказать, что они с женой вынуждены уехать в Израиль, хотя родственников там не имели. Их, инвалидов, здесь, в России, с маленькими пенсиями ждала крайняя бедность, а в Израиле обеспечивали старость достойно. Мы это знали. Но звонил он мне, так как не хотел показаться неблагодарным из-за своего отъезда. Русские его товарищи так по-братски относились к нему все эти годы, что он мучился от одной только мысли, что кто-нибудь может счесть его предателем. Он просил извинения у меня и хотел, чтобы я понял

безвыходность его положения. Он плакал. Нам обоим было больно. После их отъезда я уже больше никогда о нём не слышал.

Разные люди составили тогда эмигрирующий российско-израильский народ. Но из песни слова не выкинешь.

Полуяпонец

В эти годы многие внутренне очень изменились, особенно так называемые интеллигенты. Рабочий человек, он разве что стал больше пить водку или чаще торчать за домино во дворе, да и то, если работы не было. А интеллигенту вдруг остро надоедало нищенствовать, или он обнаруживал в себе таланты, неопознанные при советской власти, особенно в области бизнеса, необыкновенные способности наконец-то ставшего свободным человека, ещё вчера бывшего обыкновенным совком. Он и ходить-то стал как-то иначе, как будто стал парижанином. Как сказала бы наша мама: «Пижон – коровьи ноги!»

И у нас на факультете появились такие, освобожденные от совка. Один (старший преподаватель) публично принял православие: проповедовал заповеди Нового Завета, сидя в офицерской столовой, и проклинал марксизм. Другой, ранее член парткома, в мае 1993-го года неожиданно для всех нас поддержал стражей порядка, разогнавших митинг москвичей. Уволившись из армии, он стал заведовать кафедрой общественных наук Университета (бывшей кафедрой научного коммунизма) и прославился тем, что из галереи портретов философов тут же убрал портреты Маркса и Ленина (оставив почему-то, по недосмотру, наверное, портрет Энгельса). Позже, превратившись то ли в юриста, то ли в экономиста, стал писать книги об экономике в эпоху дефицита. Съездил в США, приобрёл нужный имидж, возглавил одно из московских изданий. Появлялся в передачах по центральному телевидению: давал интервью, консультировал. Презентабельный такой, умничающий очкарик, утративший ненавистные ему признаки совка, уже вполне свободный человек мира. А ведь ещё вчера – продукт советской высшей военно-медицинской школы, сын офицера-фронтовика.

Я не видел его несколько лет. Так получилось, что однажды случайно встретил его в коридоре поезда «Саратов-Москва» и зашёл к нему в купе. Там был ещё один наш, саратовец. Бывший прапорщик. Разговорились. Зашла речь о трудностях жизни и службы наших выпускников на Дальнем Востоке, о том, сколько пота и крови стоило нашим людям отвоевать его когда-то от японцев, в том числе в Гражданскую войну. Прапорщик служил там раньше, и ему всё это было знакомо. Профессор-философ, отхлёбывая чай, молча поддакивал. Я вспомнил о подвиге Сергея Лазо, дальневосточного комсомольца, сожженного японцами в паровозной топке живьём за то, что считал Приморье – советским. Философ возбудился вдруг и уверенно сказал, что Дальний

Восток и острова – давняя японская территория и что поэтому гибель Лазо вполне закономерна. То, что он был сожжен живьём, его не интересовало. «Это – детали», сказал он.

Мы оторопели. Прапорщик потерял дар речи. Знаток истории продолжал отхлёбывать чай, а я, заявив, что в отличие от него «не полуяпонец!», вышел из купе. Когда вернулся к себе, меня долго трясло. Больше я его не видел. Этот «полуяпонец», в прошлом член парткома, и сейчас, вероятно, крутится в московских издательских кругах. Элита либерального российского общества! По мне так уж лучше пить водку, если есть на что, но оставаться русским человеком.

Музей ленина

Как-то прочёл в «Правде», что известный всем Музей Ленина в Москве нуждается в средствах. Видимо, власть перестала его содержать. В 1992-м году послал в музей небольшую сумму, через месяц – ещё. Таким образом, я как бы уплачивал партийные членские взносы. В ответ мне пришло благодарственное письмо из отдела писем музея (В.И.Бурова). В 1993-м году я посетил музей и встретился с Валентиной Ивановной. Она – ветеран войны и коммунист – рассказала мне о сегодняшней жизни музея, о трудностях, которые он испытывает. Он ведь остаётся единственным бесплатным музеем Москвы. Его сотрудники работают бесплатно, живя на пенсию (гардеробщики, уборщицы, экскурсоводы и т. д.), только чтобы музей не был закрыт. Посетителей много. Приходят и провокаторы, затевают диспуты, клевещут на большевиков и даже на Ленина.

На одном из этажей сделали выставку последних фотографий Владимира Ильича, где он изображён больным, после нескольких инсультов. Разместили аккуратно, но всё равно не следовало бы этого делать. Эти снимки поместил в своей книге о Ленине Дмитрий Волкогонов, бывший член ЦК КПСС, гнусная личность. Сделать это в отношении инсультного больного не решилась бы и обыкновенная семья, а антиленинец решился. Таким образом, по его мнению, он доказывал нежизнеспособность ленинизма.

Но музей работал. В 1995 г. я, вместе с моим другом по Академии Ю.А.Филимоновым, в последний раз посетил его. В 1996-м году мэр Москвы Лужков закрыл музей, передав часть экспонатов в ведение Исторического музея. Власть расправлялась с великим вождем пролетариата, как только могла.

В 1994-м году я вступил в Российскую коммунистическую рабочую партию (РКРП), созданную осенью 1991-го года. Мои братья к тому времени уже работали в этой партии.

1993 г. Расстрел Дома Советов

В конце сентября 1993–го года мне довелось побывать в Москве. Сначала у музея Ленина, а позже – у Белого Дома. Сохранились мои записи от того времени.

«23-го сентября я в Москве. Спустился по улице Горького к музею Ленина. Картина необычная. Газет не продают. Люди не собираются. Стоят в униформе баркашовцы.

Зная о событиях, связанных с Белым Домом, с его роспуском по указу Ельцина, поехал туда на метро.

Съезд должен был начать свою работу с опозданием, так как депутаты с трудом добирались в Москву. Многим в аэропортах и железнодорожных вокзалах ставились рогатки. Информация о событиях в Белом Доме глушилась. Вокруг самого Дома Советов шли митинги москвичей.

От метро «Баррикадная» люди рекой тянутся вниз, к Белому Дому. Словно их магнит тянет. Именно здесь решается судьба Родины. На заборах и бетонной стене стадиона – прокламации, лозунги, решения общественных комитетов, гневные стихи, карикатуры на президента, Гайдара и прочих. Прохожим активисты раздают листовки.

На пути – баррикада: ящики, бочки, камни, арматура. Что-то вроде шлагбаума. Над ним реет красный флаг. Строгий седой рабочий с красной повязкой на рукаве. За 100 м до шлагбаума «газик» с тесно сидящими внутри милиционерами: греются.

Во дворе у Белого Дома до 3-4-х тысяч человек. Основная группа -1,5 тысячи – в центре, у микрофонов, слушают ораторов. Подошел поближе. Кто-то из них убежденно говорит в защиту Советской власти. «Кто такой?» – спрашиваю я. «Анпилов!», ответили мне как малому детяти. Народ вокруг стоит плотно, больше пожилой, бедно одетый, но лица светлые. Анпилов. От Российской коммунистической рабочей партии. Лицо простое, как у рабочего от станка, говорит просто, ясно, как бы беседуя. А где же КПРФ?

Тут принесли какой-то большой ящик. Анпилов поднялся на него и наконец-то стал хорошо виден. Пошутил: «Ну вот, плаху принесли. Умереть на плахе за народ считаю святым делом!» Своей непосредственностью и убежденностью напомнил С.М.Кирова. Я обошел площадь. В перерывах по мощному микрофону транслировались советские песни («Три танкиста», «Катюша», «Москва майская»). И неслись звуки этих песен над Москвой-рекой, утыкаясь в стены американского посольства.

Во дворе появились депутаты. На площади по микрофону

страстно выступал от Российской коммунистической рабочей партии худощавый седой поэт Борис Гунько. Четко выраженная классовая позиция, воля и страсть. Среди турникетов юрко семенит маленькая сухенькая старушка и быстро-быстро говорит: «Кворум есть, кворум есть, кворум есть…». Очень похоже на «цып, цып, цып…». Это она сообщает окружающим, что вот-вот откроется съезд народных депутатов.

Кто-то, предвидя нападение власти, формирует ополчение. Кто-то молится. Анпилов с товарищами перетаскивают радиоаппаратуру (больше некому). Прекрасные, но беззащитные люди. Когда уходил, в душе шевельнулось чувство: «Пришел на похороны ещё живой Советской власти, проститься с товарищами».

Пока медленно поднимался от Дома Советов к метро, вдогонку неслись звуки любимых советских песен. А народ шёл мне навстречу, к Белому дому, все полотне и плотнее».

Съезд Народных депутатов снял Ельцина с должности Президента. Это вызвало обострение борьбы. Позже, в начале октября, трудящимися была захвачена московская мэрия, проведена попытка захвата телестудии в Останкино и, в конце концов, – по приказу Ельцина, произведён расстрел Дома Советов из танков.

В походе на Останкино и непосредственно в защите Дома Советов участвовали оба моих брата – Володя и Саша. К счастью, они остались живы и ещё до расстрела смогли выбраться из здания парламента и вернутся домой, в Рязань.

Время лечит, копит силы. Нужна работа с людьми, терпение и вера. То, что произошло в течение этого, последнего, месяца, при всей трагичности случившегося, – только верхняя часть айсберга, поверхностный слой процессов. Глубже, у дна социальной жизни, – колоссальные резервы протеста.

Когда говорят о живой крови, крови, пролитой в схватке рабочих с жандармами, забывают о вымирании населения страны, прежде всего, трудящихся, – процессе более зловещем, чем естественный экстремизм отчаяния и протеста. Об этой медленной смерти народа за счет неродившихся и преждевременно умерших – власти молчат.

В январе 1994-го года в газете «Правда» вышла статья известного драматурга Виктора Розова о событиях октября 1993-го года. Он писал: «Кровь, пролитая при расстреле Дома Советов, навеки запятнала пиджаки, фраки и мундиры Ельцина и его подельников. Слёзы матерей, отцов, жён и детей по убитым и покалеченным выступают белой солью на их упитанных лицах».

Через год после случившегося, 3 октября 1994-го года,

прошла мощная демонстрация москвичей и митинг у стен московской мэрии в связи с годовщиной ельцинского расстрела из танков Дома Советов. Я и мои братья участвовали в этой демонстрации. Колонна людей растянулась от сквера на Смоленской площади по набережной до Краснопресненского моста и мэрии. Десятки тысяч москвичей, стоя на митинге у стен мэрии, скандировали: «Советский Союз! Советский Союз! Убийцы! Убийцы!» Вверх поднимались тысячи рук.

В девяностые годы я потерял родную сестру Ольгу (блокадницу) и лучших своих друзей по Академии – Сашу Шугаева и Юру Филимонова. Ушли из жизни мой школьный учитель Алевтина Алексеевна Житникова и мой учитель профессор Евгений Владиславович Гембицкий. Они завещали мне несмотря на трудности «не спешить на посадку».

Семья

К девяностым годам мы уже похоронили наших родителей. Наша дочь – психолог, сын – врач.

Я, после 42-х лет службы в рядах Советской армии и отставки, руководил кафедрой терапии СГМУ и в Военно-медицинском институте, жена работала в школьной библиотеке. Сейчас мы оба на пенсии. У нас растут внуки.

Братья, о них я уже рассказывал в этой книге, работали в Рязани. Средний, Александр Михайлович, после срочной службы в Советской армии (в Махачкале), трудился инженером-оптиком на заводе, младший, Владимир Михайлович, – заводским инженером, а позже психологом в детском доме. И у них растут дети и внуки. У младшего брата и его жены – семеро детей и, теперь уже, – десятеро внуков. Его жена, Валентина Александровна, ещё при советской власти была награждена орденом «Материнская слава». Братья, члены РКРП, как я уже писал, приняли активное участие в защите Дома Советов в 1993 г.

В настоящее время семья Кирилловых насчитывает 44 человека: пенсионеры, рабочие и служащие, студенты, школьники, дошкольники. Бизнесменов среди нас нет.

Мы – выросшие и постаревшие, конечно, – в сущности всё те же «мальчики войны». Мы продолжаем дело нашего отца – коммуниста – Кириллова Михаила Ивановича. В изменившихся условиях, в эпоху торжествующих лавочников, наша семья продолжает трудиться, сохраняя преданность своим убеждениям.

Новые люди

Конец девяностых. Поезд «Москва-Саратов». В купе я вошёл первым. Вскоре в него с огромными тюками втиснулись ещё трое. Тюки, баулы, сумки заполнили всё, даже часть прохода и полки. Мне пришлось вжаться в угол у окна. Первый из вошедших пассажиров, подумал я, видимо, босс, второй – кассир, третий – на подхвате, прихлебатель. Я оказался как бы в первом ряду партера – прямо перед сценой, где началась какая-то пьеса.

Босс распечатал большую бутыль «Пепси» и поставил на стол ещё 5 бутылок пива. Он налил два стакана – себе и кассиру и жадно выпил. Налил ещё. Прихлебатель тоскливо ждал, когда же нальют и ему. Кассир пил мелкими глотками, продолжая считать. Периодически переспрашивал: «Кофточек было 10 или 11 блоков?» «Колготки тот, толстый, отдал за 100 или за 110?» И, выяснив, замолкал. Наконец, дали попить и прихлебателю. Открыли пару бутылок пива. Развернули в замасленной бумаге курицу и, разорвав её на куски, стали жевать их, заедая хлебом и запивая пивом. Чавкали, утирая руками жирные губы и щёки. Осмелел и прихлебатель, взбодрённый пивом, пристроился к курице, совсем уж подвинув меня на полке. Кассир успокоился, ел курицу медленно, выкидывая косточки на стол. Босс смеялся, громко вспоминая какие-то удачные моменты их предприятия.

Кассир насытился, громко отрыгнул, вытянул ноги в грязных потных носках, упёрся в мою полку и склонился на баул. Прихлебатель, уже без помех, доедал куски курицы, обгладывал кости, допивал оставшееся пиво, икал, хихикал. Он осмелел, стал говорить громко, подравниваясь к блаженствующему боссу. Но тот вскоре цыкнул на него, приказав вынести мусор и прибрать стол. Босс полез на верхнюю полку и улёгся там среди тюков. Кассир разместился внизу, посреди баулов. Залез наверх и втиснулся посреди вещей и прихлебатель. К 10 вечера все они уже дрыхли.

А утром шустренько встали, и вновь переругиваясь, взялись на свежую голову пересчитывать товар и свою долю прибыли, договариваясь, как доложить обо всём неведомому Главному боссу. Вытащив в Саратове всё своё барахло, они заполонили им половину перрона.

Всё – точно по А.Н.Островскому. Те же типы, то же неравенство и зависимость. Это наш «мелкий класс» в распоряжении «среднего класса». Класс выживающих, копящих помаленьку деньгу – опора и надежда Гайдара и таких как он, современных лавочников. Опора идеологов и практиков

рыночного счастья. Портрет обывателей постсоветского времени.

В 1994-м году политик и штангист Юрий Власов писал: «Свобода домашнего животного всегда ограничивается миской, которую выставляет хозяин. Есть свобода, очень много свободы, но экономическое бесправие превращает её в ничто».

.

Деятели культуры

Девяностые годы. По «Маяку» было передано: в программу вступительных экзаменов в университетах уже не будут включены произведения Белинского (все), Герцена (все), Писарева (все), Чернышевского (все), Горького («Песнь о Буревестнике», «Слово о Ленине» и др.), Фадеева, Шолохова (в частности, «Поднятая целина»), Маяковского (все), Николая Островскоо (все). Даже Л.Н.Толстого («После бала»). Конечно, не будет известных статей Ленина.

Почем-то не был упомянут Фонвизин (Митрофанушка – прапрадедушка новых русских) и Лермонтов (а ведь этот бунтарь очень опасен для нового строя России). Зато включен весь «серебряный век». Чем не цензура? Чем не чёрная сотня с университетскими значками на лацканах? Деятели культуры государства лавочников крадут у народа не только пищу, но и душу. В идеологии нет вакуума (по Ленину), поэтому они спешат.

Какое жалкое время. Рабское. Ни один академик от литературы не защитит Чернышевского. Растлители народа. Думаю, что люди ещё вспомнят сны Веры Павловны из романа «Что делать?», сны передовой российской интеллигенции 19-го века о справедливом и светлом будущем России.

Грызуны

Возвращаясь с заседания Конгресса пульмонологов и побывав на Красной площади, мы с профессором из Ленинграда спустились и пошли по подземным переходам под Манежной площадью. Переходы были полны людей. В одном из них, как раз перед выходом к Музею Ленина, заметили группу людей, предлагавших за столом какой-то лохотрон. Это уже стало привычным. Чего только в московских переходах не встретишь. Старший – молодой, обрюзгший мужик с угреватым лицом и бегающими глазками. Затейливая игра предполагала обязательный проигрыш, но была очень ловко организована. Были и подставные, якобы счастливые, уже «получившие» выигрыш. Недалеко невозмутимо стоял милиционер. Рядом с жуликами. Крыша? Мы посмотрели и ушли. А ведь это были ближайшие окрестности Красной площади. Кроты. Мелкие грызуны.

Профессиональное перерождение

Профессура нашего медицинского университета менялась политически и нравственно прямо на глазах. Как-то на заседании общества терапевтов профессора всерьез и безо всякой душевной боли обсуждали перечни лекарств отдельно для бедных и для обеспеченных граждан. Пришлось протестовать. Бедность мы сами, конечно, уничтожить не могли, но нельзя же было воспринимать ее как норму.

Один из профессоров отказывался прочесть лекцию на семинаре врачам собственной больницы, заявляя, что читать лекции бесплатно – безнравственно. Он не понимал, что ни он сам, ни его лекция не стоят внимания врачей, собравшихся, чтобы его послушать. Количество таких уродов, окончивших советские вузы, заметно возросло.

Ещё один такой урод– профессор на клиническом обходе, сидя у постели, осматривая и ощупывая больного, периодически с кем-то беседовал по мобильнику, обращаясь к собеседнику примерно так: «Нинк! Юльк! Вальк!» Больному, заводскому рабочему, привыкшему за годы советской власти к уважительному отношению врачей, казалось, что тот советуется с кем-то по его поводу, ему и в голову не приходило, что телефонные звонки профессора не имели к нему никакого отношения.

Таких примеров стало много.

Некоторых из нынешних главных врачей поразило стяжательство. Их не останавливало ничего. Распихивали конкурентов. Про таких продвинутых деятелей говорили словами генерала Лебедя: «Ухватившись за ляжку, дотянутся и до горла!»

Декабрь 1996 г. Еду в Ленинград в составе комиссии МЗ РФ по аккредитации Ленинградской педиатрической академии. Мне повезло: здесь в родном городе о камень споткнешься – все равно приятно.

Впечатления очень серьезные. Общая социальная и демографическая ситуация в Ленинграде тяжелая: рождается до 30 ребятишек в день (раньше в 10 раз больше), а 120 человек кладут в могилу. Это в трехмиллионном городе. К концу августа стало ясно, что не смогут начать сезон многие больницы. В Мечниковской больнице (Санитарно-гигиенический институт) пустые клиники, работает только морг на платной основе, по двору бегают собаки и кошки…

В клингородке педиатрической академии такие же

перспективы. Роддом закрыт на ремонт, который и не начинается. Клиники (815 больных детей) живут на базе гуманитарной помощи, бюджетного финансирования нет. Сотням сотрудников уже 4 месяца не выплачивают зарплату. Гуманитарная помощь оказывается западными посольствами, консульствами, фирмами, пароходными компаниями, даже армией США (продукты, не использованные в ходе операции в «Персидском заливе»…). Главный врач ходит с протянутой рукой, звонит в посольства: дают – то гульдены, то марки, то тонну фасоли, то сухофрукты. Полученные продукты обменивается на мясо, на масло, на молоко, нужное детям. Когда в конце августа встал вопрос о прекращении приема детей, сотрудники не согласились встать на колени и до сих пор держатся за счет милосердия. Руководителей клиник характеризует высочайший профессиональный уровень, самоотверженное отношение к детям, знание людей, проблем, готовность к худшему.

Возникла концепция уничтожения педиатрии как самостоятельной клинической и педагогической ветви медицины. Все это вытесняется концепцией семейного врача, пришедшей с Запада. Ставится задача закрытия единственного в мире педиатрического учебного заведения с громадной клиникой, созданного более шестидесяти лет тому назад по решению Советской власти, не закрывавшегося даже в годы блокады и выжившего в эвакуации. Очевидна несостоятельность этих намерений. Россия слишком бедна, чтобы воспринять западную модель. Сейчас же от этого проигрывают дети рабочего Ленинграда. Главный педиатр города, профессор И. М. Воронцов, отказался от своего поста в знак протеста против соответствующего административного нажима городских герострат ов. Профессиональный протест становится политическим: имя этого профессора широко известно в городе. Я беседовал с ним. Мотивы и понимание происходящего у нас едины. Что делать? Вот вопрос. Кто виноват? Это не вопрос. Вполне можно поставить и следующий вопрос: что делать с теми, кто виноват? Персональный подход не составит труда. Бывая во многих семьях в Ленинграде, я слышал один и тот же тревожный вопрос: закроют ли детские клиники?!

Детская патология изменилась: открыто целое отделение для детей, больных сифилисом, а о гонорее речи вообще уже не идет, растет недоношенность младенцев…

В Ленинграде в декабре уныло: темно, сыро, холодно, торчат черные деревья, ветер несет снежную крупу. А в отделениях клиник такая теплота, такая забота о ребятишках, которые в больницах играют так же, как дома, такое желание им помочь,

что мне стыдно было приходить в эти коллективы в качестве проверяющего. Профессора, сидящие без денег, даже еще что-то новое внедряют. Это Эрман, Ульрих, Воронцов, Сомов, Кобатадзе и другие мечтатели и труженики.

Совсем недавно по решению Собчака и других антисоветчиков город Ленинград скоренько был переименован в г. Санкт-Петербург. Санкт-Петербург никто никогда не защищал, а город Ленина защитили миллионы ленинградцев в блокаду. И в Педиатрической академии в 1996-м году больных детей защитили сотни ленинградцев – врачей, сестёр и санитарок. Петербуржцев я здесь не видел.

Прикинули с главным врачом Н. В. Кременецкой и ее замом Т. П. Веревитиной: каковы же перспективы? «До февраля на гуманитарке продержимся, а дальше – вряд ли. Перспектива к весне: постепенное закрытие, превращение в больницу типа ЦРБ (неотложная патология, гнойная патология, венерология…). Отмирание, как и вообще в нашей стране, начнется с «пальцев», с тонких технологий, с прекращения мечты».

Аналогичные процессы происходят и в Саратове. Мне, теперь как проректору, приходится это анализировать. Недофинансирование, сокращение коек и штатов, в том числе в детских клиниках, дороговизна лекарств, их недоступность для десятков тысяч пациентов. Расслоение больных детей происходит не по тяжести течения болезней, а по возможностям родителей в их лечении – это и есть элитаризация медицины. Бесплатная помощь при ряде заболеваний становится не обеспеченной. Всё это – обвинение режиму.

Чеченские войны

Пришел черед следующему преступлению власти – чеченскому побоищу, стоившему тысяч жизней. Но Чечня – это не Белый дом, который за 3 часа можно сжечь вместе с людьми, Чечня – это и не совсем Россия, а если Россия, то какая? Имперская, царская? советская, социалистическая? Или ельцинская, мафиозная? Не зря в газетах промелькнуло: «Бей Чечню, чтобы Россия боялась!»

Безработица сотен тысяч чеченцев, особенно среди молодёжи, давление клановости и ваххабизма, финансовая поддержка исламистов из-за рубежа – всё это составляет объективную основу тлеющего сопротивления значительной части населения Северного Кавказа. Работа со стороны России в этом вопросе будет долгой, последовательной и дружественной: Северный Кавказ – часть России.

Похороны ещё живых

В 2009-м году произошла неожиданная смена администрации в больнице, где под руководством нашей кафедры 40 лет работала крупная терапевтическая клиника города Саратова. Был назначен новый главный врач. Тут же были уволены или ушли сами 80 % сотрудников. В 2010-м году был расформирован и Саратовский Военно-медицинский институт (распоряжение министра Обороны Сердюкова – «табуреткина»), а значит, расформированы и кафедра терапии, и пульмонологическая школа, известная в СССР (в России). Мы, ещё живые, профессионально умерли. Современная власть оказалась беспощадной к научным и клиническим школам. Больница наша и сейчас существует, но это уже другая больница, задавленная нормами и выгодами Обязательного медицинского страхования.

Пенсионеры ушли на пенсию, молодёжь выживает кто где. Многие мои сослуживцы по институту живут за счёт прежних достижений и завоёванной ими ранее пенсии, попросту доживают. Таких – большинство. Они – вне активной борьбы не только за страну, но и за себя. Такова судьба большинства бывших советских людей.

Меня, после того как государство лавочников отняло у нас кафедру, клинику и Школу, спасает литературное творчество, благо накопил за свою жизнь достаточно большой жизненный и профессиональный опыт и ещё могу быть полезен, особенно своим товарищам по профессии. Важно и после 80-ти лет чувствовать себя бойцом, а не обыкновенным потребителем ранее заработанного хлеба.

Действительные и мнимые ценности

Идёт 2015-й год. Уже 24 года рыночной власти. Положительные верхушечные процессы в обществе происходят, но антисоветская сущность власти остаётся неизменной. За прошедший год, например, количество рублевых миллиардеров в Саратове даже увеличилось. С чего бы это? Может быть, и остальное население стало жить лучше?

Взрыв патриотизма (временами, ура-патриотизма), вызванный воссоединением Крыма с Россией, закономерен. И исторически, и по-человечески. Мой отец, к примеру, работал в Крыму и похоронен там. Съездить туда я уже по возрасту не смогу, но справедливо, что теперь его могила – в России, на кладбище советских офицеров в городе Евпатория.

Закономерен и протест населения на Востоке Украины. Протест оформился в создание там народных республик и боеспособной народной армии, с которой вот уже более 6 месяцев режим киевской хунты справиться не может. Славянск, разбитый артиллерией и авиацией, окруженный фашистами со всех сторон, лишённый гуманитарной помощи, превратился в современную Брестскую крепость, а теперь уже, после вынужденного оставления его ополченцами, в символ сопротивления фашистам. Сопротивление народа Донбасса носит антифашистский характер. Восток Украины покинули уже более миллиона беженцев. Россия впитывает в себя этот людской поток, проявляя не только братство, но и советский интернационализм. Но немало и тех среди нас, кого, несмотря на кровь Донбасса, вполне можно отнести к последователям националиста Тягнибока. Есть и такие, кто предпочёл бы жить при олигархе Ахметове, не говорить на родном русском языке, но при работающих угольных шахтах и жалкой зарплате, чем голодать и умирать в Новороссии с завоеванными правами русских людей. Гражданская война разделяет народ. Водораздел – неизбежность борьбы с фашизмом.

Нужно подчеркнуть именно советский характер происходящего и в Крыму, и в сопротивлении русских и русскоязычных на Востоке Украины, и у нас в стране. Иногда кажется, что многие руководители восставших республик и полевые командиры – дети памятных всем руководителей крупных партизанских соединений на Украине в годы Великой Отечественной войны. По-крайней мере, лучшие из них. Вместе с тем, полевые командиры сплочены недостаточно и испытывают различные влияния. Это надо учитывать. Государственность республик растёт день ото дня и требует растущего

финансирования. Без России здесь не обойтись.

Эвакуация беженцев из Донбасса в Россию от киевских фашистов очень напоминает пережитую такими же, как я, эвакуацию из Москвы в 1941-м году от немецких фашистов.

Советский характер просматривается и в действиях, и в словах российского правительства по поводу происходящего на Украине, во всяком случае, хотелось бы так думать. Мешает верить в это реальная подчиненность руководителей нашего государства крупному отечественному капиталу. Не менее 15-ти долларовых миллиардеров в нашей стране, и все они теснейшим образом сращены с существующей властью. Это их власть, даже если она и настроена патриотически. Путину трудно быть общенациональным лидером в стране одновременно и очень богатых и очень бедных граждан, как бы этого ни хотелось. Да и возможно ли это? В этом классовое противоречие современных событий и у нас, и на Украине. Патриотизм может стать невыгодным власть имущим, и тогда усилия патриотов будут преданы. Власть в нашей стране не на стороне рабочего класса. В этом всё дело. Ленин в 1921-м году на съезде работников медсантруда сказал: «Если мы спасём рабочего, мы спасём всё!» В последнем послании федеральному собранию 4 декабря 2014-го года Путин главной задачей определил спасение бизнесмена, лавочника. Далеко господину Путину до товарища Ленина. Рад бы в рай, да олигархи не пускают.

В.И.Ленин писал: «Нравственно то, что служит интересам рабочего класса». То есть, трудящихся. Следовательно, безнравственно то, что служит интересам непрерывно, по-крупному ворующих народное добро и предающих нашу Родину богачей – паразитов. Казалось бы ясно?

Ситуация требует более сложного, классового, анализа. Необходима политическая диверсификация.

Нужно иметь в виду и то, что для многих до сих пор остаётся только предположением, а именно активное участие США в событиях на Украине. На самом деле, агрессия киевской хунты на Донбассе – всего лишь фрагмент мировой стратегии США. Нас провоцируют. А мы не должны поддаваться. Именно этим объясняется неучастие России непосредственно в гражданской войне на Юго-Востоке Украины.

Возвращение некоторых советских норм в общественную и экономическую жизнь страны (введение норм ГТО, деофшоризация и т. д.) можно в какой-то мере назвать процессом советизации форм жизни, но не её содержания. Некоторые люди эти понятия путают. А это как сахар и подсластитель сахара. У многих «возврат» к советскому прошлому даже вызывает протест,

от страха формируется так называемая пятая колонна. Зря беспокоятся. Когда я пишу о советском характере ряда событий последнего времени, я отлично понимаю, что по-настоящему советскими изменения в жизни государства могут стать лишь при выполнении двух обязательных условий, а именно: возвращении общенародной собственности и восстановлении власти трудящихся, то есть рабоче-крестьянской власти. А здесь без социалистической революции, хотя бы без её насильственных форм, не обойтись. Зря беспокоятся: капиталисты добровольно власть не отдадут. Вот почему нужно выделять ценности действительные и «ценности» мнимые.

Об исторической роли советской власти в нашей стране писал известный философ Александр Зиновьев. О Дне Победы над фашистской Германием он написал статью под заголовком «Выхолощено главное» (газета «Советская Россия» от 13 мая 2004 г.). «День Победы над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов признан важнейшим национальным праздником России. Я приветствую это. Но то, как фактически истолковывается эта победа, и как конкретно осуществлялось это празднование в текущем году, у меня, как у ветерана войны и как исследователя советского периода русской истории, вызывает решительный протест. Из войны и из нашей победы выхолостили самую суть – их социальную сущность. Войну вел и одержал победу не просто народ, а народ советский. Это исторический факт, игнорирование которого означает идеологически преднамеренную фальсификацию истории. Советский народ – это народ, коммунистически организованный и коммунистически воспитанный, возглавлявшийся Коммунистической партией и сталинским высшим руководством. В победе, конечно, сыграл роль комплекс исторических факторов, включая патриотизм, способность русских терпеть самые жуткие условия жизни, сочувствие и помощь западных людей и т. п. Но главным – решающим – фактором победы были советский коммунистический социальный строй, то есть реальный советский коммунизм, и возглавлявшееся Сталиным высшее руководство страны. Какими бы они ни были, какие бы недостатки им ни приписывали, войну выиграли, прежде всего, советские коммунисты во главе со Сталиным. В те годы этот исторический факт был бесспорным даже для самых заклятых антикоммунистов и антисоветчиков. Игнорирование этого факта и искажение его означает превращение войны и нашей победы в ней в некое голливудообразное шоу, в грандиозную бесстыдную идеологическую ложь, в средство оглупления масс российского населения в угоду определенным силам и стремлениям Запада.

Напоминаю, что эти силы сразу же после нашей победы начали новый этап войны против нашей страны, который к концу XX века завершился разгромом Советского Союза, советского социального строя и России». Это мнение товарища Зиновьева важно учитывать, анализируя современные события в России и на Донбассе.

Донбасс отличается не только своей русскостью, но и редкой концентрацией рабочего класса среди населения. Именно здесь вырос будущий маршал Климент Ефремович Ворошилов (г. Луганск), здесь родилось стахановское движение (г. Стаханов) в 30-е годы и «Молодая гвардия» во время войны с немцами (г. Краснодон). Но сейчас закрылись почти все угольные шахты этого региона, шахтёры выброшены без зарплат и вошли в ополчение – идёт жестокая гражданская война.

Ситуация в Донбассе существенно осложнилась в результате уничтожения недалеко от Донецка малайзийского Боинга с 298-ю пассажирами на борту. Виновата киевская хунта, это доказано, но ею не признано. Донецк и Луганск сейчас всё еще в осаде. Благополучно состоялись более двух десятков российских продовольственных конвоев в Луганск и в Донецк. Голодных людей временно, но накормили и напоили. Народная армия Новороссии перешла в успешное наступление на всех фронтах, неслучайно прерываемое переговорами о перемирии. Переживаю, как и все мои друзья. Живу в телевизоре, если живу. Надежды на мир невелики: киевская хунта то нажмёт на рычаг «газ», то на рычаг «тормоз». Выгадывают на крови собственного народа.

Меня напрягает термин «социальная ответственность (озабоченность!) капитала». Это же, по Чернышевскому, «сапоги всмятку». Капитал оттого и прирастает, что он этим качеством не наделён. Разве что в интересах самосохранения? Это происходит, как говорится, «с барского плеча». От любви к народу как бы и само плечо не оторвало. Интересно, чем наши капиталисты помогли Крыму и миллионному отряду украинских беженцев?

И всё же хотелось бы верить в подлинность официального российского патриотизма.

Хотелось бы, чтобы на просьбу ветеранов войны о переименовании Волгограда в Сталинград Путин отреагировал положительно. Это было бы правильно. Авторитет его, несомненно, вырос бы. Приурочили бы это к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Это несомненный политический резерв власти. То же и в отношении Ленинграда. Но способна ли на это существующая в стране власть буржуазии?

Экономика страны напряжена. Помощь областям Дальнего Востока и Алтая в связи с невиданными наводнениями, затраты

на сочинскую Олимпиаду, поддержка Крыма и восставшего народа на Востоке Украины, и всё на протяжении одного года, – стоят дорого. Но эти расходы неизбежны и понятны.

Однако, только патриотизмом сыт не будешь. Патриотизмом нельзя прикрыть реальные классовые противоречия в России. Социальный климат в стране остаётся низким и вряд ли удовлетворяет людей. Если приглядеться, видно, как они плохо живут. Всё ещё стоят многие крупные заводы. Уже более 20 лет стоят. По всей стране разлилась власть денег. Воруют и воруют, по – крупному воруют. И чем больше воруют, тем злее пинают советскую власть, которая не давала воровать. Выбрасывают на свалку целые куски народной памяти и исторической правды. Дорвавшиеся до власти лавочники готовы продать все, что только можно продать. Коррупция – родная сестра буржуазной власти и в России, и на Украине. Угасающая КПРФ не в состоянии что-либо с этим сделать. Защищая себя, она сливается с буржуазной властью.

Врачи и сами больные ходят в наручниках «экономически выгодных» стандартов, вытесняющих клиническое мышление, достижения отечественной медицинской школы. Я пишу об этом как о наболевшем потому, что я – врач советской формации, и мне это особенно близко. Больной человек со свойственной ему индивидуальностью перестает сейчас быть основой клиники. Скоро он должен будет лечить себя сам. Великие учителя – Мудров, Пирогов, Боткин, Захарьин, Бурденко, врачи–фронтовики – превращаются в бессмысленные памятники с острова Пасхи. Случайные люди занимают места главных врачей, ректоров Университетов, министров, депутатов, толпами осаждают злачные места. С возрастом все это, как через увеличительное стекло, видишь лучше.

Сама Красная площадь в последние годы изменилась, не столько внешне, сколько по характеру её использования властями. Не изменилось лишь отношение большинства людей к ней как к символу советской власти и истории России.

Для меня Красная площадь Москвы – альфа и омега моей жизни. В.В.Маяковский писал: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такого места, как Москва».

Мне посчастливилось побывать во многих республиках и городах Советского Союза и России. От Петрозаводска и Ярославля на Севере до Спитака, Еревана, Баку и Ашхабада на Юге, от Калининграда до Бреста и Черновцов на Западе и Байкала на Востоке. Все эти замечательные места были и остаются для меня в широком смысле окрестностями Москвы. Красная площадь – моё сердце. Собор Василия Блаженного, Зарядье, Арбат,

Большой театр и Исторический музей, такие, как я их знаю, – непосредственные окрестности Красной площади. Здесь сердцебиение моё физически ощутимо.

Я понимаю, что мои утверждения и чувства разделяются не всеми. Врагов советской власти и нынешних лавочников я в расчёт не беру – с ними для меня всё ясно. Но немало и тех, кто в своё время был недоволен советской властью и обижен ею. Их претензии заслуживают внимания. Их негативный частный опыт может быть даже непререкаем, а нежелание видеть широкую историческую правду о роли рабоче-крестьянской власти в развитии страны вполне объяснимо пережитой этими людьми социальной несправедливостью. С этим не поспоришь.

Я помню, как в Челябинской области в ноябре 1941-го года хозяева в деревенском доме, в котором нас, эвакуированных, поселили, желали немцам успехов в их наступлении на Москву. А люди были неплохие, работящие. И о нас, беженцах, заботились. Это было странно даже для меня, второклассника. Мама объяснила мне тогда, что они были раскулачены в 30-е годы, то есть, по их мнению, были несправедливо обижены советской властью.

Много и сейчас недовольных людей, особенно на Северном Кавказе, среди крымских татар. Среди евреев, которых ещё в 80-е годы как песок ветром выдуло из СССР в Израиль. Для этого тоже есть свои объективные причины.

Читателя может раздражать моё возвышенное отношение ко всему советскому. Помню, как во время экзамена по литературе в выпускном десятом классе в подмосковной Шереметьевской школе (это было в 1950-м году) экзаменатор как-то неожиданно для меня критически отнеслась к моей восторженности в оценке литературных героев. А как же? Ведь речь шла о Павке Корчагине, о «Матери» Горького» и о снах Веры Павловны из романа «Что делать»? Да и было мне 17 лет. Другим я быть просто не мог. И я запальчиво возразил этой учительнице-экзаменатору, сказав, что именно таким я вижу мир своих героев. Она внимательно и молча посмотрела на меня и оценку не снизила. Наверное, в чём-то она была права. Жизнь требовала большей трезвости. Разумная трезвость со временем пришла, но главного – верности советской Родине, моей Красной площади – не изменила.

Писатель Бруно Ясенский в книге «Человек меняет кожу» ещё в 30-е годы предупреждал: «Друг может предать, враг может убить. Но бойтесь безразличных!» Многие стараются сохранить «объективность» в оценке происходящего. Когда им говорят о зверствах фашистов в Одессе (поджог Дома профсоюзов и уничтожение десятков людей), они утверждают, что на самом

деле 90 % жителей города в это время спокойно отдыхали на одесских пляжах. А некоторые говорят даже, что погибшие сами себя подожгли. Эти люди, «пляжники», ставят себя выше реальных событий. Объективизм – политическая шизофрения, прибежище безразличных. Спокойствие на фоне окружающего народного горя – очевидный симптом шизофрении. Психиатры это хорошо знают. К сожалению, спокойных, «отдыхающих на пляже» при виде страны, которую охватил фашизм, ещё очень много. Меня же ещё в годы военного детства жизнь научила чувствовать боль других людей.

Помню, как осенью 1942 года в Петропавловске – Казахстанском, будучи учеником 3-го класса, через полгорода, в темноте, нёс домой хлеб, полученный в булочной по карточкам. Шёл, крадучись, прячась за сараями от ребят, которые могли хлеб отнять. А дома меня ждали два младших братика и больная туберкулёзом мама. Сама она уже не могла выходить из дома. И я не мог не принести хлеб, мы тогда голодали. Мне было 9 лет, а мама называла меня «старичком» и «палочкой-выручалочкой». С тех пор я чужую боль воспринимаю как свою.

При всей традиционности своих взглядов я, особенно в последние 20 лет, научился терпеливости и умению слушать людей, отличающихся инакомыслием. Научился выслушивать и даже переубеждать. Как врач я просто обречён внимательно выслушивать людей, даже если они идеологически нездоровы.

Послесловие

Вот и окончена моя исповедь. Восемьдесят лет жизни сконцентрировались в краткую повесть.

Основной её задачей было показать, что Красная площадь – сердце моей Родины и моё собственное сердце – продолжает жить несмотря ни на что. Эта задача выполнена. В годы моего детства и моей юности, в годы Великой Отечественной войны это представление не требовало никакого объяснения и защиты. Оно было нужно всем нам как воздух. Сейчас такая защита стала необходимой: общество и власть стали другими, буржуазными. И в этом всё дело. Именно это послужило причиной написания книги.

В 1992-м году одна моя знакомая из района Солнцево в Москве, не найдя в городе красных флагов, повесила их у себя в квартире. И это не смешно. Советская история ныне (вдумайтесь!), в год 70-летия Победы над германским фашизмом, – сама под угрозой уничтожения. Украинский бандеро-фашизм, российские ниспровергатели и тысячи безразличных – этому подтверждение. «Люди, будьте бдительны!», писал перед смертью в фашистском застенке Юлиус Фучик.

Ветераны Великой Отечественной войны уходят. Советских людей ещё много, но и они уходят. Остаётся память. Впереди долгая борьба.

Я люблю подмосковную осень.
Грохот танков и отблеск штыков.
Я люблю свою Красную площадь
И Кремлёвских курантов бой.
В городах и далёких станицах
О тебе не умолкнет молва.
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва.

Литературные труды М.М.Кириллова (1996–2015 гг.)

Кабульский дневник военного врача. Саратов. 1996. 67 с.

Армянская трагедия. Дневник врача. Саратов. 1996. 60 с.

Мои учителя. Саратов. 1997. 40 с.

Незабываемое. Очерки. Саратов. 1997, 113 с. 2014, 114 с. 2-е изд. журнал «Литературный МИХ», № 2, 2013 г.

Перерождение (история болезни). Выпуски 1,2,3,4,5. 1999–2006. Саратов. 2-е изд. 2014 г.

Учитель и его время. Саратов. 2000, 2005. 150 с.

Спутница. Журнал «Приокские зори». Тула.№ 2. 2008.

Мальчики войны. Саратов. 2009. 58 с. 2-е издание, 2010.

Врачебные уроки. Саратов. 2009. 52 с.

После войны (школа). Саратов. 2010, 48 с.

Моя академия. Саратов. 2011, 84 с.

Статьи о Н.И.Пирогове и С.П.Боткине, о моих учителях (М.С.Вовси, Н.С.Молчанове, Е.В.Гембицком, СБ.Гейро, В.В.Бутурлине, М.Я Ратнер), о моих учениках и больных на страницах журнала «Новые

Санкт – Петербургские врачебные ведомости» за 2000–2012 – е годы.

Врач парашютно-десантного полка. Повесть. Саратов. 2012.

Мои больные. Сборник рассказов. Саратов. 2013 г.

Третий лишний. Рассказ. Журнал «Приокские зори», г. Тула, 2012 г.

Многоликая жизнь. Саратов. 2014 г., 150 с.

Красная площадь и её окрестности. Саратов, 2015 г., 116 с.

Детки и матери. Сборник очерков и рассказов. Саратов, 2015 г., 70 стр.